

Танели Ристола

**ТИПОЛОГИЯ ДИСКУРСОВ ЯДЕРНОГО
СДЕРЖИВАНИЯ В ЖУРНАЛЕ «ВОЕННАЯ
МЫСЛЬ» (2018–2022)**

Факультет информационных технологий и коммуникационных наук

Дипломная работа

Февраль, 2023

АННОТАЦИЯ

Ристола, Тaneli : Типология дискурсов ядерного сдерживания в журнале «Военная мысль» (2018–2022).

Дипломная работа

Университет Тампере

Магистерская программа по языкам: русский язык

Февраль 2023

В настоящее время, после вторжение России в Украину 2022 г., вопросы ядерного оружия и ядерной войны играют немалую роль в ежедневных разговорах. До сих пор ядерная война всё-таки оставалась теоретической и риторической угрозой и применения ядерного оружия при боевых действиях не происходило после 1945 года. Кроме того, ядерное оружие является инструментом силовой политики и данная политика делается, кроме всего прочего, словами. Угроза применения ядерного оружия и сдерживание других сторон являются дискурсивными способами повышения позиции ядерной державы в глобальном обществе.

В данной дипломной работе мы изучаем дискурсы ядерного сдерживания в современной России. Мы изучаем дискурсы и риторику военно-политических статей, рассматривающих вопросы ядерного сдерживания и ядерной стратегии России. Исследовательским материалом является шесть статей, опубликованных в журнале «Военная мысль». «Военная мысль» – основной военно-теоретический и военно-политический публикаторский источник Министерства обороны России. В данном журнале офицеры, ученые и эксперты анализируют вопросы национальной безопасности России, в том числе с геополитической точки зрения.

Мы выявляем центральные дискурсы в статьях на фоне сравнения с Посланием Владимира Путина 2018 года, где заявлялось об обновлённом стратегическом вооружении и новой стратегии сдерживания США Россией. Цель данной работы – определить сходство и различия дискурсов Послания Путина (как исходного текста) и дискурсов статей, их развитие в последующие годы и риторические приёмы в статьях. Исследовательский вопрос: сформулировать гегемонистскую позицию дискурсов ядерного сдерживания в современной России и рассмотреть дискурсивно-риторические способы конструирования идентичности России как ядерной державы в выявленных дискурсах ядерного сдерживания.

Языковой и риторический анализ статей мы осуществляем методами критического дискурсивного анализа Нормана Фэрклоу, однако для расширения и углубления теоретической основы мы применяем также теории речевых актов и речевых жанров. Так как дискурс ядерного сдерживания является как лингвистическим, так и политическим явлением, наша работа является междисциплинарной: мы используем также конструктивистскую политологическую теорию Александра Вендта для понимания политического контекста дискурсов и риторики ядерного сдерживания. Синтез лингвистики и политологии помогает нам дать комплексное понимание дискурсов ядерного сдерживания и их роль в конструкции идентичности России как ядерной державы.

При анализе исследовательского материала мы выявили тождественные темы между статьями в журнале «Военная мысль» и Посланием Путина 2018 года. Сходные дискурсы включают: декларированные нарушения международных договоров в области ядерного сдерживания со стороны США; демонстрацию нового поколения стратегического оружия России; сравнение ядерных доктрин США и России. Как Путин в своём Послании, так и авторы статей представили идею, что Россия должна принимать меры для ограничения стремления к глобальному доминированию США в области ядерного сдерживания, чтобы восстановить стратегическую стабильность между этими двумя великими ядерными державами.

Критический дискурсивный анализ выявляет гегемонистскую позицию дискурсов Путина и авторов статей. Аргументация статей не отклоняются от центральных дискурсов Путина. Конструктивистский анализ выявляет две модели конструирования идентичности России: с одной стороны, как жертвы агрессии со стороны США, с другой – как посредника и гаранта международной стабильности и баланса сил. Это отвечает аспектам теории Александра Вендта: идентичность государств определяется через взаимодействие с другими государствами.

Ключевые слова: дискурсивный анализ, дискурс, ядерное оружие, ядерное сдерживание, противоракетная оборона, конструктивизм, стратегическая стабильность, национальная идентичность.

Оригинальность исследования проверена с помощью программы Turnitin OriginalityCheck.

TIIVISTELMÄ

Ristola, Taneli : Tipologija diskursov jadernogo sderživanija v žurnale "Vojennaja mysl'" (2018–2022), Ydinasepelotediskurssien typologia Vojennaja mysl' -aikakauslehdessä (vuosina 2018-2022).

Pro gradu -tutkielma

Tampereen yliopisto

Kielten tutkinto-ohjelma, venäjän opintosuunta

Helmikuu, 2023

Ydinaseista ja ydinsodasta on tullut osa jokapäiväistä keskustelua Venäjän hyökättyä Ukrainaan vuonna 2022. Tähän päivään saakka ydinsota on kuitenkin jäänyt teorian tasolle, eikä ydinaseita ole käytetty taistelutilanteessa vuoden 1945 jälkeen. Siitä huolimatta ydinaseet ovat voimapolitiikan välineitä, ja tätä politiikkaa tehdään ennen kaikkea sanoin. Ydinaseiden käytöllä uhkaaminen ja pidäkkeen luominen muiden valtioiden ydinaseiden käytölle ovat diskursiivisia keinoja ydinasevallan aseman parantamiselle osana kansainvälistä yhteisöä.

Tässä pro gradu -tutkielmassa tarkastellaan nyky-Venäjän ydinasepidäkediskursseja. Tutkielmassa perehdytään ydinasepidäkettä ja -strategiaa tutkivien sotilaspoliittisten artikkelien diskursseihin ja retoriikkaan. Tutkielman tutkimusmateriaaliksi on valittu kuusi "Vojennaja mysl'"-aikakauslehdessä julkaistua artikkelia. "Vojennaja mysl'" on Venäjän puolustusministeriön keskeisin sotilaspoliittinen ja sotilasteoreettinen julkaisu, jossa upseerit, tutkijat ja asiantuntijat analysoivat sotilaspoliittisia kysymyksiä muun muassa geopolitiisesta näkökulmasta.

Tässä opinnäytetyössä pyritään määrittelemään artikkeleiden keskeiset diskurssit vertaamalla niiden sisältöä Vladimir Putinin vuoden 2018 linjapuheeseen, jossa ilmoitettiin Venäjän strategisen aseistuksen uudistamisesta ja Venäjän uudesta ydinpidäkestrategiasta. Tutkielman tavoite on osoittaa artikkeleiden diskurssien ja Putinin linjapuheen väliset samankaltaisuudet ja eroavuudet, tarkastella diskurssien kehittymistä valittuna ajanjaksona, sekä arvioida diskurssien retorisia keinoja. Tutkielmassa pyritään muodostamaan käsitys hegemonisista ydinasepidäkediskursseista nyky-Venäjällä analysoimaan niitä diskursiivisretorisia keinoja, joiden avulla Venäjän ydinasevaltion identiteetti konstruoidaan ydinasepidäkekeskustelussa.

Tutkielmassa sovelletaan Norman Fairclough'n kriittistä diskurssianalyysia. Analyysin syventämiseksi tutkielmassa käytetään diskurssiteorian lisäksi myös puheteko- ja puhegenreteorioita. Koska ydinasepidäkediskurssi on paitsi kielitieteellinen myös poliittinen ilmiö, on tämä tutkielma luonteeltaan niin ikään poikkitieteellinen: tutkimusmateriaalin diskurssien ja retoriikan poliittisen kontekstin ymmärtämiseksi tässä opinnäytteessä sovelletaan Aleksander Wendtin kansainvälisen politiikan konstruktivistista teoriaa. Kielitieteen ja politiikan tutkimuksen poikkitieteellinen synteesi auttaa muodostamaan monipuolisen kokonaiskäsityksen ydinasepidäkediskursseista ja niiden merkityksestä Venäjän ydinasevaltion identiteetin konstruktiolle.

Tutkimusmateriaalia analysoitaessa "Vojennaja mysl'in" artikkeleista tunnistettiin muutamia yhteneviä diskursseja Putinin Venäjän ydinasepidäkettä ja -strategiaa uudistaneen vuoden 2018 linjapuheen kanssa. Yhtenevät diskurssit ovat: Yhdysvaltain väitetyt rikkomukset ydinasepidäkettä koskevien sopimusten suhteen, Venäjän strategisten aseiden uuden sukupolven esittely ja Yhdysvaltojen ja Venäjän ydinasedoktriinien vertailu. Artikkeleiden kirjoittajat esittivät Putinin tavoin, että Venäjän on ryhdyttävä toimeen Yhdysvaltain maailmaherruuspyrkimysten rajaamiseksi sekä strategisen tasapainon palauttamiseksi näiden kahden ydinasesuurvallan välille.

Kriittinen diskurssianalyysin osoittaa, että artikkeleiden ja Putinin linjapuheen väliltä on havaittavissa Putinin puheen hegemoninen positio. Artikkeleiden argumentaatio ei poikkea Putinin linjapuheen keskeisistä diskursseista. Konstruktivistinen analyysi osoittaa artikkeleiden konstruoivan kaksijakoista identiteettiä: Venäjä on yhtäältä Yhdysvaltain aggression uhri ja toisaalta kansainvälistä stabiiliutta ja voimatasapainoa edistämään pyrkivä sovittelija. Tämä vastaa Alexander Wendtin teoriaa valtion identiteetin kehittymisestä: valtioiden identiteetit määrittyvät muiden valtioiden kanssa käytävän vuorovaikutuksen kautta.

Avainsanat: diskurssianalyysi, diskurssi, ydinaseet, ydinpidäke, ohjuspuolustus, konstruktivismi, strateginen tasapaino, kansallinen identiteetti.

Tämän julkaisun alkuperäisyys on tarkastettu Turnitin OriginalityCheck –ohjelmalla.

Оглавление

ВВЕДЕНИЕ	6
Журнал «Военная мысль»	10
Профиль современного российского офицера	10
1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ПОНЯТИЮ ЯДЕРНОГО СДЕРЖИВАНИЯ	12
1.1. ЯДЕРНОЕ И СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СДЕРЖИВАНИЕ	12
1.2. ОСНОВНЫЕ ДОГОВОРЫ, СВЯЗАННЫЕ С ЯДЕРНЫМ ОРУЖИЕМ	13
1.3. РАЗВЕРТЫВАНИЕ ПРО США	14
1.4. НОВОЕ ПОКОЛЕНИЕ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ОРУЖИЯ РОССИИ	14
2. ОСНОВНАЯ ТЕОРИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ: КРИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРСИВНЫЙ АНАЛИЗ 16	
2.1. ДИСКУРСЫ И ОБЩЕСТВО	17
2.2. СОЦИАЛЬНЫЕ СТРУКТУРЫ, СОЦИАЛЬНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ И ДИСКУРС	20
2.3. ДИСКУРС, ВЛАСТЬ И КДА	21
2.4. ДИСКУРС И ИДЕОЛОГИЯ	22
3. ВСПОМОГАТЕЛЬНАЯ ТЕОРИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ: СОЦИАЛЬНЫЙ КОНСТРУКТИВИЗМ	24
3.1. СОЦИАЛЬНЫЙ КОНСТРУКТИВИЗМ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ	25
3.2. КОНСТРУКТИВИЗМ, ДИСКУРС И МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ	27
3.3. СОЦИАЛЬНЫЙ КОНСТРУКТИВИЗМ, ИНТЕРЕСЫ И ИДЕНТИЧНОСТЬ	29
4. МЕТОДОЛОГИЯ: КРИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРСИВНЫЙ АНАЛИЗ И ПУБЛИЧНАЯ РИТОРИКА	33
4.1. МЕТОД КДА	33
4.2. ДИСКУРСИВНЫЙ АНАЛИЗ И ПОЗИЦИИ ИССЛЕДОВАТЕЛЯ	35
4.3. ТЕОРИЯ РЕЧЕВЫХ АКТОВ	37
4.4. ТЕОРИЯ РЕЧЕВЫХ ЖАНРОВ	37
4.5. ПРИМЕНЕНИЕ КДА В ДАННОМ КОНТЕКСТЕ	38
5. ДИСКУРС ЯДЕРНОГО СДЕРЖИВАНИЯ В ПОСЛАНИИ ВЛАДИМИРА ПУТИНА 2018 ГОДА	41
5.1. ДИСКУРС: ВЫХОД США ИЗ ДОГОВОРА ПО ПРО	42
5.2. ДИСКУРС: ДЕМОНСТРАЦИЯ НОВОГО ПОКОЛЕНИЯ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ОРУЖИЯ	43
5.3. ДИСКУРС: СРАВНЕНИЕ ДОКТРИН ЯДЕРНОГО СДЕРЖИВАНИЯ США И РОССИИ	44
6. АНАЛИЗ СТАТЕЙ	45
6.1. СБОР МАТЕРИАЛА	45
6.2. КРАТКОЕ СОДЕРЖАНИЕ СТАТЕЙ	45
6.3. ФАЗЫ АНАЛИЗА	46
6.4. РЕЗУЛЬТАТЫ АНАЛИЗА	47
6.4.1. <i>Купач О.С. (2018): Анализ программы США «Неядерный быстрый глобальный удар»</i>	47
6.4.2. <i>Крейдин С.В., Протасов А.А. и Стерлин А.Е. (2019): Современные трансформации концепции и силовых инструментов стратегического сдерживания.</i>	50
6.4.3. <i>Аксёнов О.Ю. и Третьяков Ю.Н. (2020): Россия и США: концептуальные подходы к ядерному сдерживанию</i>	54
6.4.4. <i>Евсюков А.В. и Хряпин А.Л. (2020): Роль новых систем стратегических вооружений в обеспечении стратегического сдерживания.</i>	57
6.4.5. <i>Валеев, М.Г., Платонов А.В. и Ярошевский В.И. (2021): О кризисах во взаимодействии России и США в области противоракетной обороны.</i>	59
6.4.6. <i>Крейдин С.В. и Сухорутченко В.В. (2022): Ядерное сдерживание в условиях развития глобальной системы противоракетной обороны США.</i>	61
6.5. ВЫВОДЫ	63
7. ЗАКЛЮЧЕНИЕ	66
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ	69

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ МАТЕРИАЛЫ	69
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	70
ПРИЛОЖЕНИЕ	75
СПИСОК АББРЕВИАТУР	75

ВВЕДЕНИЕ

В современной мировой политике новый период современного мироустройства начался 24-го февраля 2022 года, когда Россия вторглась на землю Украины. До вторжения Россия вела войну в Украине уже почти восемь лет, а полномасштабное наступление, которое вскоре превратилось в войну уничтожения, застигло Запад врасплох. Риторика Владимира Путина в его довоенном выступлении была жесткой: если Запад попытается вмешаться, Россия будет отвечать всеми возможными силами. (New York Times 24.2.2022.)

Через три дня после начала вторжения Путин приказал привести силы стратегического сдерживания (далее – ССС) России в боевое дежурство (Bugos 2022). Западу было ясно, что, говоря об ответных действиях возможного вмешательства Запада, Путин имел в виду возмездие ядерным оружием. Это, конечно, не первый раз, когда Владимир Путин говорил жесткими словами на темы ядерного сдерживания. В 2000-х годов решение США выйти из Договора по противоракетной обороне (далее – Договор по ПРО) вызвало сильную реакцию в России: это решение не будет оставлено без противодействий (Пирттикоски 2018; Mathers 2012). В 2018 году Владимир Путин выступал со своим Посланием Федеральному собранию, и он представил свой ответ расширению и развёртыванию противоракетных систем США: это – новое поколение стратегического оружия, способное преодолеть системы ПРО благодаря своей гиперзвуковой скорости или высокой манёвренности.

В данной работе мы рассматриваем дискурсы ядерного сдерживания в современной России в более широком контексте. Цель нашей работы – изучить военно-политические статьи, опубликованные в журнале «Военная мысль», и представить влияние Послания Путина 2018 года в данных статьях в рамках концепции ядерного сдерживания. Мы рассматриваем какие риторические приёмы Путина (2018) авторы военно-политических статей адаптировали и какие речевые акты и речевые жанры они используют, аргументируя аспекты этой концепции. В совокупности с дискурсивными и лингвистическими аспектами мы изучаем национальную идентичность России как ядерной державы и рассматриваем, какую связь между дискурсами и политическими идентичностями мы можем определить путём дискурсивного анализа и конструктивистского политологического исследования.

Таким образом, **актуальность** нашего исследования заключается в привлечении текстов военной тематики для детального понимания ситуации настоящего военного конфликта с изучением их качественными методами. Мы полагаем, что наша работа имеет особый вес и значение в ситуации войны России с Украиной: тем самым мы хотим принять участие не только в научном диалоге, но также раскрыть русскоязычному миру, какой режим контролирует Россию.

Основным **исследовательским вопросом** данной работы является: каким образом дискурс ядерного сдерживания интерпретируется авторами военно-политических статей после Послания Путина 2018 года?

Конкретными исследовательскими вопросами являются:

1. Используют ли в статьях офицеры такие же, схожие выражения, термины, понятия, как Путин;
2. Цитируют ли авторы изучаемых статей прямо Путина;
3. Как дискурс ядерного сдерживания встраивается в концепцию национальной идентичности и национального интереса в текстах статей?

Россия является автократическим государством с централизованными органами власти (Hill 2013, 22). Ядерное сдерживание имеет важное стратегическое значение в силовой политике России (Puolustusministeriö 2019, 7). Вследствие этого наша предварительная гипотеза данной работе такова: у авторов статей в нашем исследовательском материале, то есть у российских офицеров (или на действительной службе, в отставке или в запасе) нет оригинального дискурса ядерного сдерживания, а они поддерживают дискурс Путина. Это, вообще говоря, свойственно военным элитам, и особенно в России «силовые органы» находятся над непосредственным контролем президента (Renz 2013, 217). В данной работе мы постараемся методами КДА опознать эти дискурсы и их сходства с дискурсом Послания Путина 2018 года. Высокое сходство дискурсов характеризует гегемонистскую позицию дискурса Путина в области ядерного сдерживания.

В качестве **теоретическо-методологической основы** данной работы мы выбрали критический дискурсивный анализ (далее – КДА). Основным теоретическим источником для нашего исследования является книга *Language and Power* Нормана Фэрклоу (2001). Фэрклоу рассматривает и изучает теорию дискурсов и социальную теорию лингвистики. Он представляет ряд способов анализа социальных и общественных вопросов. Метод

данной работы, КДА Нормана Фэрклоу, сосредоточивается в его оригинальной, исходной форме на критике капитализма (особенно неолиберализма) (Fairclough 2010, 11–17). Мы используем данную теорию для изучения отношений дискурсов в области ядерного сдерживания в статьях авторов военно-политических статей и Послания Владимира Путина как отправной точки анализа. Таким образом объект нашей работы является политическим и изучает не только русский язык, а также международные отношения между Россией и Западом.

Одновременное изучение языка и политики является нередким способом в настоящее время. В политологии появилось понятие «лингвистический поворот» в 1980-годах, при котором изучение лингвистических аспектов социального взаимодействия стало популярным, когда некоторые политологи заинтересовались исследованиями дискурса французского философа Мишеля Фуко (Chilton и Schäffner 2011, 338). Для актуализации понятия социального контекста в данной работы мы выбираем междисциплинарный подход в сочетании с теорией конструктивизма в политологии: мы используем работу Александра Вендта (1999) и для анализа военно-политического дискурса ядерного сдерживания мы применяем категории национального интереса и национальной идентичности в качестве социального контекста военно-политического дискурса ядерного сдерживания.

Военно-политические темы, в том числе ядерное сдерживание изучают дискурсивным анализом всё чаще. Дискурс войны в Украине (до вторжения России в феврале 2022 года) изучался с помощью КДА уже в некоторых статьях и работах, например в дипломной работе Туомаса Ниемея (2016). Лингвистические подходы к ядерному сдерживанию с точки зрения теории речевых актов изучал профессор Юха Вуори (2016). Послание Путина 2018 года было объектом исследования дискурсивного анализа в статье Рани Пуспиты, Мухамеда ал-Фарауку и Сунарти Сунарти (2019), но они изучали также другие аспекты Послания, а не только дискурс ядерного сдерживания. Катарийна Пирттикоски (2018) рассмотрела дискурсы репрезентации развёртывания системы ПРО в российских средствах массовой информации (далее – СМИ). Развёртывание ПРО является темой, весьма сильно связанной с ядерным сдерживанием. Всё-таки нам неизвестны исследования, в которых изучают связи между дискурсом ядерного сдерживания Путина и дискурсом ядерного сдерживания военно-политических статей.

Этим определяется **новизна** нашего исследования, которое дополняет финское научное исследование дискурсов. Кроме того, благодаря применению теории конструктивизма само исследование является конструктивистским процессом: наше исследование российского военно-политического дискурса создаёт новые интерпретации данного объекта исследования (Jokinen 2016, 201).

Как писал Норман Фэрклоу (2010, 10): «КДА не только дескриптивный, но и нормативный», КДА не только комментирует или описывает социальное неравенствие или зло общества или мира, а также обращается к ним с критикой. Таким образом, в данной работе мы обращаемся к структуре власти внутри военно-политического сообщества Российской Федерации и анализируем автократический режим Владимира Путина в 21-м веке. В качестве ведущей теоретической и методологической базы нашего исследования мы выбрали КДА, который является и теорией, и методом. Однако углубленное изучение текста Путина и статей в журнале «Военная мысль» показало нам, что необходимо привлечение дополнительных методов и приёмов интерпретации текста с точки зрения риторики. В частности, мы использовали теорию и методику анализа речевых актов. Именно синтез КДА и теории речевых актов послужил основой методологии и методики исследования языкового материала. Также вспомогательным техническим инструментом явился текстовый анализатор Voyant Tools – веб-приложение для выполнения анализа текста. Структура работы такова.

В **первой** главе мы рассмотрим основные понятия, связанные с ядерным сдерживанием. После этого, во **второй** главе, мы представим нашу теоретическую основу: сформулируем применение принципов дискурсивного анализа к общественным явлениям и рассмотрим использование данной теории в контексте данной работы. В **третьей** главе мы рассмотрим конструктивистскую теорию политологии и примеры междисциплинарного исследования с элементами лингвистики и политологии. В **четвёртой** мы рассмотрим КДА как методологию исследования. В **пятой** главе мы кратко представим Послание Путина 2018 года для формирования параллели дискурсов статей «Военной мысли». **Шестая** глава посвящена анализу нашего исследовательского материала. В **Заключении** подводятся результаты нашего исследования и предлагаются пути углубления анализа, которые могут быть реализованы в дальнейшем исследовании.

Журнал «Военная мысль»

В данной работе мы рассматриваем шесть статей, опубликованных в журнале «Военная мысль». «Военная мысль» является военно-теоретическим журналом Министерства обороны, первый номер которого вышел 1 июня 1918 года. До 1937 года у журнала было другое название – «Революция и Война». Вначале журнал имел более идеологическую основу, но во время Второй мировой войны и непосредственно после неё журнал сосредоточился на истории о битвах и боях, в которых участвовала Красная армия, и на анализе боевого опыта. В период «холодной войны» в журнале часто рассматривали вопросы ядерного оружия, ядерной войны и военного искусства в возможных театрах военных действий в крупномасштабной войне между сверхдержавами. С развитием военной технологии появились также новые вопросы, в том числе в областях противовоздушной обороны (далее – ПВО) и радиоэлектронной борьбы (далее – РЭБ). В настоящее время в журнале «Военная мысль» изучают в том числе вопросы геополитики, стратегической стабильности, военно-технической политики, ядерного сдерживания и оперативно-тактические вопросы применения различных видов Вооружённых сил. Авторами статей являются офицеры, ученые и руководители силовых структур, в том числе Генерального штаба Вооружённых сил, Министерства обороны и военно-учебных заведений России. (Родиков 2018.)

Профиль современного российского офицера

В течение 2000-их и 2010-их годов в России появилась новая элита власти, в том числе бывшие офицеры, и власть офицеров в действительной службе также увеличилась (Ривера и Ривера 2021; Obraztsov 2015). Ниже мы изучаем роль такой элиты в современной России, и это в наших интересах – установить офицерский профиль для данной работы, чтобы у нас были достаточные основные данные о тех авторах, какие люди написали статьи, ставшие нашим исследовательским материалом, другими словами: каков российский офицер?

В 2009 году по данным Министерства обороны России (цит. по: Raski 2019, 23–24) средний возраст российских офицеров был 33,2 года, среди офицеров 98% мужчины, у 75% из них есть высшее гражданское образование и у 25% высшее военное образование. Самое «среднее» воинское звание – это майор (в военно-морском флоте капитан третьего

ранга), они составляют 24,5% офицеров, а подполковники – 22,7%. Большинство офицеров – старшие офицеры (55%) и только 0,1% из офицеров – генералы или адмиралы. Именно старшие офицеры являются объектом нашего исследования, потому что офицеры, опубликовавшие статьи, в воинском звании – от капитана до генерал-майора.

У офицеров довольно хорошая средняя зарплата в сравнении с зарплатой среди гражданских людей. На пример зарплата лейтенантов выше, чем у гражданских мужчин, работающих в офисе (Raski 2019, 33). Всё-таки до 60% офицеров недовольны своей социоэкономической позицией: большие проблемы есть с пенсией и служебными квартирами (Raski 2019, 42).

По словам Артура Раски (2019, 60), который исследовал профиль российского офицера в своей дипломной работе: «[к]аждого российского офицера роднит офицерская честь, включающая ряд ценностей и правил, которые входят в офицерскую профессию и сущность офицеров, и которые каждый офицер должен соблюдать при службе своей Родине.» Гражданские люди видят в офицерах некоторые социальные модели, и ожидают, что они присущи им идеально даже вне службы (там же, 58).

Эти подробности описывают общий профиль авторов нашего исследовательского материала. Нам неизвестно, были ли статьи опубликованы старшими офицерами штаба, поступающими в военную академию Генерального штаба, но, учитывая элитный статус офицеров-генштабистов, мы предполагаем, что это так (Obraztsov 2015).

Мы даже предполагаем, что в интересах таких офицеров – иметь стабильную позицию в силовых структурах путинской России также в собственном материально-финансовом плане; давно известны проблемы с пенсиями известны (Obraztsov 2015; Raski 2019), хотя, надо заметить, уровень жизни офицеров значительно улучшился в ходе двух десятилетий (Raski 2019). Эмпирические исследования показывают, что у офицеров есть тенденции поддерживать снижение гражданских свобод и прав человека для обеспечения государственной безопасности, а по результатам этих исследований также есть различие между офицерами на действительной военной службе и офицерами в запасе (Ривера и Ривера 2021, 175).

1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ПОНЯТИЮ ЯДЕРНОГО СДЕРЖИВАНИЯ

В данной работе мы рассматриваем изменения дискурса ядерного сдерживания. В этой главе мы кратко представляем ключевые вопросы теории сдерживания, различие ядерного и обычного сдерживания, договоры о сокращении ядерного оружия, роль ПРО в теории сдерживания и самые новые военные тенденции сдерживания, в том числе способы преодоления системы ПРО. Все эти термины и понятия связаны с российским дискурсом ядерного сдерживания и играют ключевые роли в нашем исследовательском материале.

1.1. Ядерное и стратегическое сдерживание

Стратегическое сдерживание – это совокупность мер, способов и средств с целью предупреждения вероятного противника от наступательных действий с ядерным оружием или обычным оружием для нанесения стратегического ущерба. Уровень сдерживания считается достаточным, когда вероятные противники сдерживаются от наступательных действий из-за страха крупномасштабного ответного удара. (Wirtz 2018; Президент России 2020.)

Стратегическое сдерживание является гарантией мира и поощряет государства к дипломатическим и политическим решениям вместо военных действий как первоочередным мерам для преодоления конфликта интересов. Ключевую роль достаточного уровня сдерживания играет могущество, другими словами, средства сдерживания. Средства бывают ядерные и неядерные. Основным свойством средств сдерживания должна являться неуязвимость, потому что только неуязвимое оружие и заявленная решительность их применения формирует противостоящей стороне настоящую угрозу. (Wirtz 2018, 58–59)

В России ССС несут ответственность за стратегическое сдерживание. В составе ССС находятся Стратегические наступательные силы (далее – СНС) и Стратегические оборонительные силы (далее – СОС). Основная задача СНС – это нанесение решительного удара по противнику ядерным или неядерным стратегическим оружием для защиты суверенитета России или её союзников. СОС, в свою очередь, защищают территорию России (или её союзников) от стратегического нападения противника.

Основа ССС – это Стратегические ядерные силы (далее – СЯС¹). СЯС России состоят из Ракетных войск стратегического назначения (далее – РВСН), флота подводных ракетоносных кораблей и дальней авиации (далее – ДА). На вооружение РВСН находятся межконтинентальные баллистические ракеты (далее – МБР) шахтового и мобильного базирования. Соответственно подводные лодки стратегического назначения, или другими словами, ракетные подводные крейсера, применяют баллистические ракеты лодочного базирования. Эти лодки находятся на вооружении Северного и Тихоокеанского флотов. Авиационный компонент СЯС – это ДА. ДА использует стратегические бомбардировщики-ракетоносцы Ту-22М3 Ту-160 и Ту-95МС, вооружённые дальнебойными крылатыми ракетами с ядерными боеголовками. Другие образцы военной техники войска обычного назначения вне СЯС также могут оснащать ядерными боеголовками меньшей мощности, в том числе оперативно-тактические ракетные комплексы, корабли с крылатыми ракетами «Калибр», истребители с крылатыми ракетами и другие носители маломощного ядерного оружия, но их не считают вооружением СЯС или ССС. (Военное обозрение 1.3.2022; Президент России 2020.)

1.2. Основные договоры, связанные с ядерным оружием

Некоторые договоры о сокращении и ограничении ядерного оружия и систем ПРО были заключены между СССР (затем – Россией) и США во времена «холодной войны». В нашем исследовательском материале их авторы не один раз говорят о проблемах, связанных с этими договорами и обновлением их.

Договор СНВ-III (англ. New START) является основным договором сокращения и ограничения ядерного оружия между Россией и США. Этот договор ограничивает число развернутых, то есть не находящихся на складах, МБР и баллистических ракет, базированных на ПЛ. Договор также ограничивает число боеголовок и носителей этих ракет и развернутых тяжелых бомбардировщиков. (U.S. Department of State 2021.)

Договор по ПРО был подписан в 1972 году между СССР и США. Договор ограничивал развёртывание систем ПРО только вокруг столиц обеих страны и вокруг

---

¹ Используемые в работе аббревиатуры систематизированы в алфавитном порядке и объясняются в Приложении.

одного района расположения МБР шахтового базирования. Договор также запретил разработку и развёртывание систем ПРО морского, воздушного и космического базирования. В 2001 году США приняли одностороннее решение выйти из данного договора. (Орлов и др. 2012, 166–167.)

1.3. Развёртывание ПРО США

После выхода из договора по ПРО США решили разместить радиолокационные станции (далее – РЛС) и противоракеты не только на новых территориях внутри своих границ, в Калифорнии и на Аляске, а также в Европе и Турции. США обосновали своё решение угрозой нападения баллистическими ракетами со стороны Ирана или Северной Кореи. США также решили, в нарушение договора по ПРО, создать компоненты морского базирования систем ПРО. Эта система «Иджис» (англ. Aegis) была установлена на некоторых военных кораблях военно-морских сил США. (Пирттикоски 2018, 8–9.)

Россия непосредственно отреагировала на это решение, и при первом своем президентском сроке Владимир Путин критично отнёсся к этому. Путин заявлял уже давно, что развёртывание и совершенствование ПРО создаёт неравновесие и нарушает баланс сил между ядерными державами. Такую же критику повторил во время своего президентского срока Дмитрий Медведев. Оба президента заявили, что надёжная гарантия мира – это достаточный уровень сдерживания со стороны России. (Mathers 2012, 503; 513–514.)

1.4. Новое поколение стратегического оружия России

В своем Послании 2018 года Владимир Путин ещё раз выразил свое критическое отношение к расширению систем ПРО США и заявил, что для России необходимо создавать, совершенствовать и развёртывать новое поколение стратегического оружия. По его словам (там же), это оружие должно быть неуязвимым для современных и перспективных систем ПВО и ПРО. Большинство из них создаются для ССС. Мы кратко представим основные характеристики некоторых видов этого оружия, чтобы понимать их свойства в статьях, рассматривающих данный вопрос.

«Сармат» является баллистической межконтинентальной ракетой. «Сармат» может оснащён до 10 ядерных боеголовок мощностью 7,5 мегатонн или до 24 гиперзвуковых

планирующих боеголовок. «Сармат» отличается короткой фазой работы стартового двигателя, благодаря которой пуск его малозаметен спутниковым системам ПРО и РЛС дальнего предупреждения. «Сармат» также имеет ограниченную способность маневрирования при полёте. (Hruby 2019, 14–15.)

«Авангард» – это гиперзвуковая планирующая боеголовка большой маневренности, которая оснащается боеголовкой «Сармат». При планирующей фазе нападения с орбиты «Авангард» теоретически может достигать скорости до 27 Махов, но эта цифра неподтвержденная. Также нагрузка ядерной боеголовки «Авангарда» неподтвержденная, но она, возможно, мощностью от 150 килотонн до 2 мегатонн. (Hruby 2019, 20–21.)

«Кинжал» является гиперзвуковой баллистической ракетой воздушного базирования, и её можно запускать с борта истребителя МиГ-31К. Согласно докладу Путина, она может достигать скорости до 10 махов и у неё дальность до 2000 километров. Вероятными объектами «Кинжала» являются морские комплексы системы ПРО. (Hruby 2019, 20–21.)

Из ряда негиперзвукового оружия Путин объявил о двух образцах: «Посейдон» – это автономное подводное оружие дальнего действия, которое работает как торпеда или подводная лодка-камикадзе. «Посейдон» способен нести ядерную боеголовку, и его применяют против стратегических морских мишеней, как авианосцев. «Буревестник», в свою очередь, является крылатой ракетой с ядерным двигателем, благодаря которому у него практически неограниченный радиус действия. (Hruby 2019, 29–35.)

2. ОСНОВНАЯ ТЕОРИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ: КРИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРСИВНЫЙ АНАЛИЗ

КДА изучает совокупность социального взаимодействия, включающего разные речевые и текстовые виды деятельности, которые составляет индивидуальные и коллективные понятия и интерпретации людей об окружающем мире. Вместе с тем обычай повторения этой деятельности составляет новые дискурсы и воздействует на имеющиеся дискурсы. (Fairclough 2001, 20–22.) Дискурс имеет много свойств как способ коммуникации между людьми: это взаимодействие, которое определяет основу многих социальных порядков в социальной жизни, но мы интересуемся именно свойством дискурса как инструмента власти, которое конструирует социальные порядки господствующих элит общества (van Dijk 2011, 22).

Вследствие своих многих свойств дискурс является одним из самых популярных объектов исследования не только в современной лингвистике, но также в междисциплинарных областях гуманитарных и социальных наук. Дискурсивный анализ активно применяется именно внутри парадигмы социального конструктивизма, согласно которому лингвистическое действие не описывает существующий мир, а конструирует его. В конструктивизме значения явлений и вещей создаются именно через речь и тексты, и так постепенно формулируются и утверждаются представления, которые определяют коллективное понятие реальности. Так как у людей, обществ, народов и так далее есть свои образы реальности, то таким образом существуют также различные системы значений, то есть различные дискурсы о понимании окружающего мира. Одно важное свойство дискурсов – это их конкуренция, то есть в обществах есть часто много разных дискурсов, которые действуют одновременно, и какие-то из них становятся популярнее, чем другие. (Jokinen и др. 2016, 21–26.)

С нашей точки зрения, многообразие дискурсов являются одним из исходных пунктов нашего исследования, потому что вследствие этого следует отметить, что, например, у США, НАТО, Китая и России есть свои образы военных угроз, свои понятия о стратегии и свои уникальные дискурсы ядерного сдерживания. Именно благодаря этим различиям дискурсы являются интересным и плодотворным объектом исследования.

Важно отметить, что дискурс – это не только речевое или текстовое действие, а также физическое действие: громкость и тона голоса говорящего, язык жестов, интонация и выражения лица – всё играет важную роль в дискурсе и составляет его контекст (Jokinen и др. 2016, 30; Fairclough 2001, 22–23). Эту сторону дискурса нам можно также найти в дискурсе ядерного сдерживания: например, интересно изучать акцентирование Владимира Путина (2018) при его чтении Послания, например, когда он подчеркнул, что Запад «не слышал» его предупреждений в области развёртывания ПРО.

Классический вариант дискурсивного анализа – это дескриптивный дискурсивный анализ, который изучает риторику и другие лингвистические особенности дискурсов без идеологических подходов. Самым важным различием между дескриптивными и критическими подходами дискурсивного анализа является глубина социального уровня анализа: КДА не только изучает риторические или прагматические обстоятельства дискурса, но он изучает также уровни речевых и текстовых взаимодействий и интерпретирует социальные отношения, которые направляют это взаимодействие. (Fairclough 2001, 20–22.)

2.1. Дискурсы и общество

Как мы выше установили, существуют многие дискурсы, есть множество определений дискурсов и разные подходы к их изучению в зависимости от научной точки зрения. В данной работе мы используем современный КДА, возникший на базе социального конструктивизма. На его формирование оказали весьма сильное влияние теории французского философа Мишеля Фуко (Jokinen и др. 2016, 15). Норман Фэрклоу (2001, 23), например, использовал идею Фуко о порядке дискурсов (англ. orders of discourse) для формирования образцов идеологий, которые конструируются через порядки и обычаи дискурсов. По Фэрклоу (там же, 24), дискурсы не бывают отдельными друг от друга или случайными, а вместе с социальными порядками (англ. social orders) они формируют комплексы действий, которые, в свою очередь, конструируют социальные пространства. У разных социальных пространств, в свою очередь, есть свои правила, какие дискурсы свойственны им. Фэрклоу (там же, 25) подчеркивает, что власть и гегемония внутри этих пространств, например социальных институций, изменяются со временем. Далее, господствующие акторы этих пространств контролируют дискурсы,

например через идеологию. Эти порядки дискурсов и социальные пространства можно связать с теорией речевых жанров, которую мы представим ниже.

Для изучения власти внутри общества нам надо определить некоторые характеристики общества и социальных классов или других групп со своими интересами внутри него. Характеристики российского общества и общественных элит России не являются простым явлением. В России у президента есть большая власть по принятию решений, и у правительства, в свою очередь, политической власти практически нет, а оно работает как технический орган власти (Puolustusministeriö 2019, 103). Во время первого десятилетия 21-го века в государственных органах появилась новая влиятельная группа «силовиков», то есть бывших работников спецслужб и Вооружённых сил России, которые заняли важные позиции внутри новых структур режима Владимира Путина (Renz 2013; Ривера и Ривера 2021, 166; Obratsov 2015, 1). В 2008 году количество высокопоставленных чиновников с прежней карьерой в спецслужбах или военном деле составляло, в зависимости от метода подсчета, даже 20,5–32% (Ривера и Ривера 2021, 166). Министерство обороны является самым большим «силовым министерством» России (Renz 2013, 210). Кроме него, значительными органами силовой власти являются Министерство по чрезвычайным ситуациям (далее – МЧС), Министерство внутренних дел (далее – МВД) и Федеральная служба безопасности (далее – ФСБ) (там же, 210–213). В 2016 Путин подписал указ по созданию Национальной гвардии России, в которую передали некоторые силовые структуры МВД (CSIS 2020). Хотя у каждого из этих блоков есть много власти, они не всегда работают во взаимодействии, а существует также конкуренция между ними (Puolustusministeriö 2019, 8).

Мы интересуемся военно-политическим дискурсом ядерного сдерживания. Для анализа этого дискурса мы определили группу «военно-политическая элита России». Этот термин является нашим рабочим термином: в области ядерного сдерживания «силовики» (Национальная гвардия, МВД, ФСБ или МЧС) не играют большой роли. Но в понятие «военно-политическая элита» мы включаем некоторые военно-политические институции: Генеральный штаб Вооружённых сил, Министерство обороны и президента России как части социального и военного пространства, у которого есть свой порядок дискурсов в области ядерного сдерживания. Уникальный порядок дискурсов этой группы конструируют его уникальный социальный порядок входящих в неё членов, рассматривающих вопросы ядерного сдерживания. Следуя принципам Фэрклоу и Фуко, господствующие акторы или блоки этого пространства, то есть президент России,

министр обороны, его заместители и другие высокопоставленные чиновники военно-политических органов играют ключевые роли в контроле дискурсов внутри него.

Хотя Фэрклоу (2001) рассматривает свою теорию КДА в контексте капиталистического общества, нам важно найти основные принципы, которые мы можем применять также при анализе военно-политического дискурса ядерного сдерживания в авторитарном режиме России. В этой главе мы рассмотрим принципы теории Фэрклоу и при цитировании дополним его наблюдения применением этих принципов к авторитарному режиму.

По Фэрклоу (2001, 27), в капиталистическом обществе власть находится под контролем господствующего кластера капиталистов и других акторов, имеющих интересы в капиталистической системе и экономической пользе, и, по теории Фэрклоу (там же), этот блок на самом деле управляет государством. Капитализм воздействует на все сферы жизни людей: он влияет не только на СМИ и виды развлечения, как фильмы или музыку, а также на образование, религию и другие институты частной жизни. Как Фэрклоу (там же) поясняет, в капиталистическом обществе это воздействие имеет весьма косвенный характер, но, когда мы рассматриваем авторитарный режим, это воздействие прямое: влияние на дискурсы СМИ и искусство сейчас прямо оказывает государство России (Oates 2013, 343). Вследствие того, что в России существует своя модель рыночной экономики, но частный сектор очень маленький, то государство владеет большинством предприятий, в том числе СМИ (Kurchan 2012, 92). Всё-таки и в капиталистическом, и в авторитарном системах большую роль играет идеология.

Фэрклоу (2001, 27–28) считает идеологию силой, которая поддерживает статус-кво внутреннего неравновесия власти общества. Статус-кво представляет это положение вещей как естественное и нормальное. Эту позицию данной идеологии поддерживают именно гегемонистские дискурсы, то есть дискурсы, которые получили статус «официального дискурса» через процесс натурализации, который мы рассмотрим ниже (там же, 76–77). По его словам, господствующие акторы, по крайней мере, могут поддерживать свою власть двумя способами: принуждением или согласием. На практике оба способа практикуются в разных сочетаниях, а идеология работает как суть согласия (там же, 28). Мы рассмотрим роль идеологии в дискурсе подробнее еще ниже.

Вынуждение, в свою очередь, конструируется речевыми актами, которые угрожает нарушителю санкциями, то есть, например, какими-то законами, указами, правилами и так далее (Chilton и Schäffner 2011, 346). Один из центральных принципов КДА Фэрклоу – это отказ от идеи классического марксизма о том, что социальный класс является основным субъектом, сражающимся за власть в обществе, но Фэрклоу (2001, 28) подчеркивает, что внутри классов бывают различные группы со своими интересами, например он говорит о мужчинах и женщинах. Так как мы в данной работе анализируем военно-политический блок современной Российской Федерации, нам надо учитывать различия между политической системой в ней и либеральными демократиями, как Великобритания, которую Фэрклоу (там же) анализирует. Кроме того, в школах политологии, применяющих лингвистические подходы, есть многие различные методологии изучения дискурсов различных политических систем (Chilton и Schäffner 2011). Изучение специфики современного российского режима позволяет нам установить схему, по которой можно нам найти дискурсивные объекты изучения с помощью КДА.

Общество современной России является автократическим режимом, и вследствие этого иерархия власти в ней другая, чем во многих западных странах: после хаотических девяностых годов Владимир Путин вместе со своим ближайшим политическим окружением преобразовал экономику России иначе, чем либеральная демократия с открытой рыночной экономикой (Kurchan 2012, 107–108). В ходе этих реформ в России появились социоэкономические кластеры, которые похожи на их западные аналоги, но в целом система отличается: бизнес находится под контролем Кремля и большинство представителей среднего класса сильно связано с промышленностью государственных предприятий или работает чиновниками в государственных органах (там же, 108–110).

2.2. Социальные структуры, социальное взаимодействие и дискурс

В рамках нашей работы мы можем почти полномасштабно использовать теорию КДА и принципы Фэрклоу. Одно из центральных понятий КДА – это социальные структуры и связанное с ними социальное взаимодействие. Мы рассмотрим подробнее, какими словами Фэрклоу (2001) характеризует социальные структуры. Мы дополним эти теоретические подходы к социальным структурам в следующей главе, когда мы

рассмотрим основные принципы социального конструктивизма Александра Вендта. Таким образом мы составим масштабное понятие о связях дискурса с конструктивизмом.

Согласно основной идее конструктивизма социальное взаимодействие активно конструирует и обрабатывает реальность, а не только отражает её (Fairclough 2001, 31; Jokinen и др. 2016). Также социальные структуры являются результатами действия, и одновременно они определяют новое социальное взаимодействие. Это формирует замкнутый круг социального взаимодействия, дискурсивное воздействие и социальные структуры, внутри которого каждая часть обновляет друг друга. Конструктивизм считает, что в обществе появляются социальные позиции, и люди, которые занимают эти позиции, действуют определенным образом. Пример, который Фэрклоу (2001, 31) приводит: учитель и студенты, которые своими действиями в кабинете конструируют социальные позиции. У каждой позиции есть свой дискурсивное могущество и дискурсивные ограничения, то есть что они могут говорить или писать и то, каким образом могут делать. Мы считаем возможным использовать пример Фэрклоу как модель рассмотрения в позиции офицеров-генштабистов или высокопоставленных чиновников, президента Российской Федерации и так далее. Фэрклоу (там же, 32–33) акцентирует внимание на изучении этих социальных позиций, потому что изменение динамики дискурсов, по его словам, отражает перемену в отношениях власти.

2.3. Дискурс, власть и КДА

Фэрклоу (2001) разделяет власть на две категории: «власть в дискурсе» (англ. *power in discourse*) и «власть за дискурсом» (англ. *power behind discourse*). «Власть в дискурсе» – это применение власти через дискурс, например через перлокутивные речевые акты, которые мы будем рассматривать ниже. «Власть в дискурсе» включает, например дискурсы медиа, которая применяет власть и оказывает дискурсивное влияние на общество. Изучение «власти за дискурсом» – это изучение применение власти, которое влияет на порядки дискурсов, социальные нормативы и социальные позиции, о которых мы рассказали выше. Фэрклоу (там же, 36–39) использует примеры социальных позиций профессий, врачей и студентов медицины: он подчеркивает, например, что в ходе операции только врач может использовать директивные речевые акты. Этот пример нам можно перевести в военно-политический контекст: иерархическая система и в Вооружённых силах, и в Министерстве обороны позволяет военнослужащим или

чиновникам только в определенных позициях использовать определенный дискурс или определенные речевые акты: министр обороны не может говорить (по крайней мере в публичном пространстве) директивными речевыми актами президенту. Кроме прямого дискурсивного взаимодействия, Фэрклоу (там же, 44–46) пишет о скрытой власти, например в контексте медиа. Он подчеркивает, что разные виды медиа находятся под контролем каких-то групп или блоков со своими интересами, то есть медиа является идеологическим пространством. Кроме того, скрытое использование власти в дискурсе находится также в ситуациях речевого и текстового взаимодействия между людьми (там же, 46). Косвенные речевые акты – это одно из средств скрытого влияния. Фэрклоу (2001, 61–62) подчеркивает в случае «власти за дискурсом» способы господствующего блока контролировать и сокращать дискурсы в обществе через натурализацию, то есть определение «правильного» или «официального» обычая речи. В данной работе мы изучаем, устанавливает ли Послание Путина (2018) такую натурализацию дискурса ядерного сдерживания в контексте военно-политической элиты России. После нормализации данный дискурс становится обычным, или, как Фэрклоу (там же, 64) считает, «здоровым смыслом» (англ. *common sense*).

2.4. Дискурс и идеология

Выше мы отметили со ссылкой Фэрклоу (2001), что социальный порядок формируется через порядки дискурсов, социальные позиции и разные виды власти внутри дискурсов, стоящих за ними идеологии и в конце концов через социальные структуры, которые всех их одновременно конструируют. Для формирования стойких социальных структур доминирующим блокам общества нужна идеология, как и строителям зданий нужен строительный раствор. Это во многом связано с тем, что идеология данного общества играет немалую роль в нормализации дискурсов именно как здравого смысла (Fairclough 2001, 64). По Фэрклоу (там же, 65), у нас как читателей текстов, собеседников или исследователей дискурсов есть свои представления о мире, то есть у нас есть какое-то исходное положение, из которого мы рассматриваем окружающий мир. На эту позицию сильно влияет идеология общества. Тексты, как правило, повторяют эту идеологию на двух уровнях: автор текста включает в текст свои понятия и мнения, на которые уже повлияла идеология данного общества, и также читатель, который читает данный текст, интерпретирует текст в рамках «здравого смысла» или идеологии (там же, 67). Читатель даже иногда дополняет недостающие части текстов на основе этих общественных

структур. Персуазивный дискурс часто ставит читателя в положение, в котором ему надо учитывать эти факторы, чтобы он мог принимать решение, согласен ли он с дискурсом или нет (там же, 69).

У нас аналогичная ситуация с дискурсом ядерного сдерживания: речевые акты сдерживания основаны на каком-то представлении о противнике и его намерениях. У Владимира Путина есть представление, каким образом НАТО, вероятно, отреагирует на данные речевые акты, и это представление влияет на его выбор слов. Фэрклоу (2001, 72) также акцентирует, что у лидеров часто есть такое представление о противнике, которое они подчеркивают своему народу регулярно. Вследствие того очень важно для читателя понимать эти факторы данного дискурса, чтобы он мог оценивать совокупность власти, социальных структур и идеологий, стоящих за ним. Ниже мы рассмотрим конструктивистскую теорию в анализе международной политики, другими словами, социальную теорию политологии, и подчеркнем некоторые детали, акцентирующие важность идеологии в дискурсах.

3.   ВСПОМОГАТЕЛЬНАЯ ТЕОРИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ: СОЦИАЛЬНЫЙ КОНСТРУКТИВИЗМ

Социальный конструктивизм является весьма популярной теорией в современных общественных и гуманитарных науках. Это междисциплинарная теория, с помощью которой можно изучать, интерпретировать и понимать различные явления, связанные с социальным взаимодействием между людьми (Jokinen 2016, 202). Именно социальный аспект является важным, потому что исследователи, применяющие конструктивизм, часто изучают коллективные явления, такие как социальные нормы и правила и их воздействие на коллективное понятие истины среди разных групп, то есть государств, обществ или меньших социальных коллективов (Азизов 2015, 8). Примером этого является теория Фэрклоу (2001), которую мы обсуждали выше: исследователь весьма сильно подчеркивал взаимосвязь между социальным воздействием и формированием социальных норм через натурализацию дискурсов как «здорового смысла».

Мы выше определили, что цель нашей работы – это установить цельный образ военно-политического дискурса ядерного сдерживания в современной России и прежде всего определить влияние Послания Владимира Путина 2018 года на данный дискурс. Для этой цели недостаточно изучать дискурс с точки зрения лингвистики, а нам надо дополнить наше понимание совокупности социополитического контекста, влияющего на эти дискурсы.

Как мы уже отметили при изучении основы КДА Фэрклоу (2001), исходное положение конструктивизма таково: социальное взаимодействие между людьми конструирует социальную реальность и устанавливает социальные роли, интересы и идентичности (Beach и Pedersen 2020, 10). Так как дискурсивный анализ основан на конструктивизме и наша тема связана с политологией и международными отношениями, естественным является использовать обе теории, синтезировав их в качестве исследовательской базы нашего исследования. Путём междисциплинарного подхода мы определим достаточно глубокий социальный контекст для третьей фазы анализа КДА по модели Фэрклоу – объяснение дискурса.

Следовательно мы изучим основные свойства и принципы конструктивизма и его отношение к другим основным теориям международных отношений. Мы также рассмотрим междисциплинарные подходы к исследованию дискурсов в международных отношениях и политологии. После этого мы обратим внимание на теорию Александра

Вендта (1999): мы представим его идеи о том, каким образом социальное взаимодействие конструирует национальные интересы и идентичности и аргументируем почему это важно для нашего анализа российского дискурса ядерного сдерживания. В конце этой главы мы подведём итог связи дискурса ядерного сдерживания, КДА и конструктивизма и перейдём к методологической главе.

3.1. Социальный конструктивизм и международные отношения

В политологии первые попытки использования идей конструктивизма появились в 1980-ых годах. В течение длительного срока истории, с начала 20-го века, доминирующими теориями международных отношений являлись реализм и либерализм и производные от них теории, как структурный реализм и неолиберализм.

После окончания Второй мировой войны реализм стойко занял позицию главной теории, по крайней мере в Америке. Классический реализм считает, что государства мира действуют эгоистически, с целью увеличения своей власти во что бы то ни стало, и взаимодействие с другими странами – это только инструмент и необходимость на пути к позиции максимального господства. Реализм видит мир как анархию – государства являются высшими, независимыми субъектами, над которыми нет другой властной структуры; именно государства сами решают свои дела. Реализм совсем отбросил идеалистические мечты о всеобщем мире и подчеркивал, что только дипломатические навыки и знающие лидеры государств могут сбалансировать интересы стран в хаотических условиях и поддерживать позицию своей страны. (Beach и Pedersen 2020, 6–8.)

Либерализм, в свою очередь сосредоточивается на идее комплексов взаимосвязей государств. Либерализм солидарен с реализмом в том, что государства на практике являются эгоистическими акторами, но экономические, материальные и другие рациональные ресурсы поощряют их к взаимодействию. Либерализм надеется на влияние международных институций и других глобальных структур как арены взаимодействия и не видит будущее таким безнадёжным, как реализм. Некоторые новые тенденции реализма, как структурный реализм (неореализм), считают, что у международных структур есть своя роль в международных отношениях, а неореалисты

не питают надежду, что они решат дилемму эгоистических государств. (Beach и Pedersen 2020, 8–10.)

Конструктивизм считал, что эти основные школы теории реализма и либерализма являются слишком редуцированными: они упрощают международные отношения, сводя к биологическому эгоизму человеческой природы – как реализм, или к потребности достижений экономической пользы – как либерализм (Азизов 2015, 7). С точки зрения конструктивизма эти теории не обращали достаточного внимания на нематериальные факторы как идеи, нормы, идентичность и идеологию, и поэтому конструктивизм сильно сосредоточивается на условиях и процессах, которые конструируют интересы и идентичности государств (там же; Beach и Pedersen 2020, 10). Другими словами, конструктивизм отбросил представительное мнение о том, что законы человеческой природы, как эгоизм и рациональность, являются неизменными факторами, объясняющими действия государств, или достаточными свойствами их лидеров, которые могут считаться само собой разумеющимися (Азизов 2015, 7–8).

Как мы выше установили, у традиционных школ в теории международных отношений есть свои производные теории, а эти дочерние теории можно видеть как освежение их «родительских» теорий, обновляющие их влиянием новых тенденций, как в случае реализма: неореализм, который пустил в ход теории структурального уровня, или неоклассический реализм, который вернулся к внутренним факторам, влияющим на решения во внешней политике (Beach и Pedersen 2020, 8; 111–112). Но у конструктивизма деление на две категории ещё более чёткое: это традиционный конструктивизм и постструктурализм (там же, 10). Разница между этими школами теории базируется на вопросах онтологии: традиционные конструктивисты, как Александр Вендт, считают, что реальность можно изучать как неизменяющуюся объективную основу. Постструктуралисты, в свою очередь, думают, что социальная реальность также субъективная, то есть у каждого актора есть своё понимание социальной реальности. Между этими идеями стоят интерпретативисты, входящих в школу традиционных конструктивистов. Интерпретативисты считают, что социальная реальность бывает объективная, а исследователи должны изучать различные явления с точек зрения акторов. Поэтому интерпретативисты акцентируют внимание на научных инструментах исследования, как например, дискурсивный анализ. Ещё большую роль дискурсы играют в постструктурализме, который старается деконструировать основные конструкции международных отношений и найти для них субъективные понимания дискурсов. Одним

их примером этого является концепция национальной безопасности: постструктуралисты могут изучать формирование угроз национальной безопасности через дискурсы о них. (там же, 10–11.)

Следует прокомментировать наш выбор вспомогательной теории для данной работы. Было бы более логично изучать дискурсы ядерного сдерживания строго с точки зрения постструктурализма, потому что дискурсы играют центральную роль в нём, но, по нашему мнению, онтологически постструктурализм делает слишком большие шаги к субъективности. Исходный пункт данной работы – это представление, что у России есть свой индивидуальный, уникальный взгляд на образ вероятных противников и угроз своей национальной безопасности, поскольку это является отправной точкой этого уникального дискурса ядерного сдерживания. Всё-таки мы аргументируем, что есть объективная реальность и объективное понятие, что такое ядерное сдерживание и что такое ядерное оружие и так далее. Позже мы объясним, как традиционный конструктивизм учитывает уникальности дискурсов безопасности и их влияние на реальные действия.

3.2. Конструктивизм, дискурс и междисциплинарное исследование

Международные отношения имеют длительную историю междисциплинарных методов исследования. Одним из первых междисциплинарных проектов в данной области социальных наук являлась Франкфуртская школа в середине 20-го века. Франкфуртская школа особенно известна благодаря критической теории, которая играют большую роль как основа КДА. Такие понятия, как эмансипация, социальные позиции и другие основаны на теориях Франкфуртской школы. Кроме того, Франкфуртская школа весьма широко изучала марксистские теории материализма и применяла междисциплинарные методы при изучении общества в целом, а не только отдельных аспектов социальной жизни. (Harle 2011, 94–101.)

Другим примером междисциплинарного проекта является английская школа. Английская школа сформировала свой междисциплинарный подход к вопросам глобального мира на основе и реализма, и либерализма. Экономика, международное право, теории безопасности – все сыграли свою роль в теориях и методах английской школы. Одно из центральных понятий английской школы – это глобальное общество,

которое состоит из политических коллективов. Хотя английская школа, как и конструктивизм, интересуется идеями, вместо дискурсов она сильно акцентирует внимание на историю, право, правила и нормативы глобального общества. (Harle 2011, 101–108.) Один из центральных философов английской школы (а также Копенгагенской школы, о которой мы скажем ниже), Бари Бузан, также учитывает человеческие факторы в своём научном творчестве: он изучает, каким образом доверие людей к легитимности действий государств действует как связующий элемент народов (Aalto 2011, 191). Также эта теория связана с философией национальной идентичности Александра Вендта, которую мы рассмотрим ниже.

Третий пример междисциплинарного проекта – это изучение мира и конфликтов. Это нормативный вид исследования международных отношений: в отличие от реалистов или (части) либералов, которые видят в войне как необходимость, изучение мира и конфликтов стремится к уменьшению конфликтных ситуаций и постепенно к всеобщему миру. Критическая теория очень сильно оказала влияние на изучение мира и конфликтов вместе с другими критическими и нормативными темами исследования, например постколониальная и феминистическая теория. (Harle 2011, 108–110.)

Копенгагенская школа является производной школой изучения мира и конфликтов и сегодня занимает своё место как школа изучения международных отношений. Главный исследовательский объект Копенгагенской школы – это безопасность. Эта школа критически изучает безопасность теорией секьюритизации. Секьюритизация – это теория, по которой государства и военно-политические элиты стараются перенести вопросы безопасности вне рамок общественного обсуждения, чтобы только элиты и эксперты могли ими заниматься. (там же, 113.)

Данная работа, кроме её междисциплинарной сущности, не входит ни в одну категорию, но нам надо учитывать, что эти примеры касаются школ международных отношений, но данное исследование, в первую очередь, это работа лингвистическая. Кроме того, можно найти подходы ко всем школам: мы применяем теорию и методы КДА, то есть у нас есть связь с критической теорией и Франкфуртской школой. Также в наших исследовательских интересах находится понимание безопасности глобального общества, и, например, договоры о сокращении ядерного оружия тесно связаны с международным правом, которое изучает английская школа. Но больше всего наша работа связана с Копенгагенской школой изучения мира и конфликтов, потому что на концепцию нашей работы весьма сильно повлияло исследование профессора Юхи Вуори

(2016), который изучал ядерное сдерживание с помощью теории речевых актов. Исследование Вуори (2016), в свою очередь, является развитием теории секьюритизации.

3.3. Социальный конструктивизм, интересы и идентичность

С собственно лингвистической точки зрения мы исследуем изменение дискурса и выявление гегемонистских черт под влиянием дискурса Путина в соответствии с методом КДА в анализируемых статьях, но в сочетании с теорией конструктивизма с международной политике. С междисциплинарной точки зрения нашей главной целью в данной работе является понимание конструкций национального интереса и национальной идентичности в дискурсах военно-политических статей российских офицеров. Такие конструкции играют важную роль в нашей критической дискурсивной теории: в конце концов мы хотим понимать дискурс ядерного сдерживания и его изменений, но для его понимания нам надо, по крайней мере частично, ответить на вопрос: «почему?»: почему у России появился такой дискурс, почему Путин его укрепляет, и офицеры в военно-политических текстах его поддерживают. Следовательно, нам надо учитывать факторы, стоящие за этим дискурсом: политические интересы России и российскую национальную идентичность ядерной державы в области ядерного сдерживания.

Александр Вендт (1999, 92) считает, что идеи играют важную роль в международных отношениях вместе с материальными факторами, как вооружение и экономические ресурсы. Он (там же, 92–138) полагает, что национальные интересы определяют материальные факторы, а идеи, в свою очередь, определяют интересы. Вендт (там же, 104–106) поясняет, что культуры государств, а не только материальные ресурсы или их военное могущество, влияет на их действие к другим странам. Таким образом великие державы с огромными военными потенциалами могут работать на взаимодействии с другими странами, имеющие такую же культуру. Вендт (там же, 110–112), кроме того, отличаясь от некоторых конструктивистов, полагает, что материальные факторы (например, ресурсы, военная мощь т.д.) и география также играют определенную роль, влияя, например, на вероятность вступления страны в войну.

Некоторые конструктивисты считают, что всё зависит от идей и идеологий. Всё-таки материальные факторы не автоматически создают угрозу стране А, если это не в интересах страны Б применять силу против А. Вендт (там же, 114) также подчеркивает, что интересы и идеи частично являются такими же явлениями, и, по крайней мере, между ними существует сильное взаимодействие. Например, он (там же, 129) пишет, что определение национальных интересов сильно связано с дискурсом национальной безопасности. Это очень важный аргумент для нас, потому что в данной работе мы изучаем такую связь. Как в случае ресурсов, так в случае интересов Вендт (там же, 131–132) думает, что материальные факторы играют роль и биологические потребности как безопасность или развитие частично определяют интересы людей и государств. Прежде всего Вендт (там же, 135–136) подчеркивает поиск дискурсивных факторов, конструирующих, например, образ врага. Это мы будем делать при анализе нашего исследовательского материала.

Вендт (1999, 123–125) подразделяет государства на три основные группы: «статус-кво», ревизионисты и коллективисты. Государства «статус-кво» не хотят расширяться с помощью насилия, а хотят поддерживать баланс между государствами. Для государств «статус-кво» эта роль в глобальном мире связана с их идентичностью примирителя у них есть способность к насилию, но они используют её только во имя необходимости самообороны. У государств-ревизионистов, в свою очередь, есть склонность к увеличению своей власти насилием, овладевая другими государствами. Для легитимизации этих действий они часто опираются на нарративы и дискурсы о своих позициях как жертвах агрессии со стороны других государств. Государства-коллективисты, наоборот, выступают за мир с сильными взаимосвязями между государствами для обеспечения всеобщего мира. (там же.)

Александр Вендт (1999) не согласен с концепцией реализма о фундаментально хаотической и анархической природе глобального мира, а он считает, что действия государств формируют условия мира и, таким образом, путём взаимодействия государств возможно перейти от примитивной анархии к более мирному глобальному порядку. Он (там же, 246–312) подразделяет анархию на три категории: анархию Гоббса (Томас Гоббс, английский философ), анархию Локка (Джон Локк, также английский философ) и анархию Канта (Иммануил Кант, немецкий философ). Анархия Гоббса является диким миром, где нации или государств бывают врагами друг другу и они формируют блоки только из-за необходимости. В анархии Локка нации или государств

являются конкурентами, а не врагами. Взаимодействие приносит пользу многим сторонам. В мире анархии Канта взаимодействия и взаимосвязи между нациями (государствами) являются весьма сильными и государства действуют как приятели друг другу. (там же.) По Вендту (1999, 314), действуя на основе идей, интересов и материального могущества, государства определяют свои позиции в комплексе этих видов анархии. Он (там же, 312) считает, что в мире, где взаимосвязи между нациями и государствами усиливаются, маловероятно, что преобладающая локковская анархия «вернётся» к гоббсовской анархии.

Александр Вендт (1999, 318) считает, что есть два основных способа формирования идентичностей: конкуренция и взаимодействие. Теория Вендта (там же, 321–322) отличается от реализма в том, что просто ссылка на эгоистическую природу государств и «естественный отбор» между ними не является достаточной для интерпретации действий глобального порядка. По словам Вендта (там же, 321–324), если бы законы дарвинизма работали в международных отношениях, как в природе, то большинство «слабых» государств было бы уничтожено. Кроме естественного отбора он (там же) упоминает теорию культурного отбора, эволюционного процесса, при котором государства формируют свои идентичности через взаимодействие с другими странами, которые имеют важное значение, например благодаря балансу сил между великими державами. Таким образом государства также действуют в своих социальных позициях, как мы выше рассматривали действия между людьми или общественными классами по теории Фэрклоу (2001). Вендт (1999, 331–332) дальше поясняет, что идентичности формируются постепенно через имитации и отражение (англ. mirroring) в ходе повторения взаимодействия, в ходе циклов действий и реакций. В результате формируются общая идея идентичностей и социальные позиции, другими словами, они становятся уникальными (там же, 335). В контексте данной работы мы имеем в виду, конечно, идентичность России и то, каким образом она формировалась до сих пор и формируется по-прежнему именно через взаимодействия с США. Для нас «другим» России являются США, так как во взаимодействии между ними формировалась идентичность России как ядерной державы. Без создания ядерного оружия, во-первых, США и, во-вторых, ответа на это в свое время СССР, у современной России была бы другая идентичность. Это проявляется в дискурсе, где любой шаг США является агрессией или эгоизмом.

Без выхода США из договора по ПРО Россия, возможно, по-другому бы строила свою идентичность. Конечно, идентичность России строится по-разному, и баланс сдерживаний и гонка вооружений – это не изолированные процессы. Вместо этого мы считаем, что непрерывное взаимодействие должно играть определенную роль во всех аспектах диалога между странами. Кроме того, мы присоединяемся к мнению Вендта (1999, 328), что безопасность очень сильно связана с фундаментальными материальными нуждами человека и таким образом она играет особую роль в нарративах безопасности наций и государств. То есть в дискурсе ядерного сдерживания мы одновременно анализируем и элементы российской идентичности и сам дискурс как элемент российской идентичности. В этом суть конструктивизма.

4. МЕТОДОЛОГИЯ: КРИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРСИВНЫЙ АНАЛИЗ И ПУБЛИЧНАЯ РИТОРИКА

В данной работе мы также применяем КДА как метод исследования нашего материала. Ниже в главе о методологии нашей работы мы выясним, каким образом на практике использование КДА помогает нам достичь планируемых, прогнозируемых результатов нашего исследования. Эта глава сосредоточивается на теоретических подходах к дискурсу и на разных научных точках зрения о дискурсивном взаимодействии. Сначала мы рассматриваем терминологию КДА, основные объекты исследования и примеры его применения (по Норману Фэрклоу).

В данной работе мы включим в КДА дополнительный элемент – теорию риторики, а именно теории речевых актов и речевых жанров. Речевые акты и речевые жанры прежде всего помогают нам объяснить речевые и дискурсивные действия, но наше исследование не основывается на этих теориях. Следовательно, мы кратко представим, что такое речевой акт или речевой жанр и почему они, по нашему мнению, являются всё-таки недостаточными теориями для дискурсивного анализа.

4.1. Метод КДА

В данной работе мы применяем методы критического дискурсивного анализа (КДА) на основе теории Нормана Фэрклоу. В принципе, мы следуем модели анализа Фэрклоу (2001), представленной в его книге *Language and Power*. Модель включает три фазы: фаза представления (англ. *description*), фаза интерпретации (англ. *interpretation*) и фаза объяснения (англ. *explanation*). В фазе представления исследователь анализирует структуру анализируемого фрагмента данного дискурса (т.е. речь, текст), выбранные слова, тематику и другие семантические детали текста. В фазе интерпретации исследователь сосредоточивается на изучении отношения текста и речевого воздействия. В фазе объяснения исследователь учитывает третий уровень: социальный контекст. (Fairclough 2001, 21–22.) Следовательно мы изучим какие практические детали эти фазы включают и выясним каким образом мы будем их пускать в ход.

Во-первых, КДА рассматривает текстуальный уровень, а как Фэрклоу (2001, 91) подчеркивает, это только первая часть анализа КДА и она создаёт основу для глубокого анализа. В данной работе мы начнём с анализа лексики: какие словосочетания,

фразеологизмы, эвфемизмы и метафоры нам возможно опознать? Есть ли слова с идеологической акцентуацией? Есть ли повторение каких-то слов или синонимов? На кого слова направлены? Какой порядок слов выбран офицерами, написавшими статьи? Какова модальность текстов? В предложения употреблены активные или пассивные глагольные конструкции? Какие местоимения в них используются авторами и каким образом? Каким образом предложения связываются друг с другом? После этого мы изучаем структуры текстов и анализируем, каким образом они действуют как аргументы в обсуждении данной темы. (Fairclough 2001, 92–116.)

Во-вторых, после изучения текстового уровня мы переходим к анализу взаимосвязи между текстом и дискурсами, то есть к интерпретации. При интерпретации мы анализируем контекст дискурса через социальные иерархии и историю взаимодействий акторов. Мы анализируем тот же самый текст на уровнях фонологии, грамматики, лексики, семантики и прагматики. Таким образом мы устанавливаем не только контекст, а также идеи и намерения текста. На этом уровне мы интерпретируем речевые акты, речевые жанры, целостность и структуры текста. Все эти объекты анализа на самом деле находятся во взаимосвязи. Интерпретация одного объекта влияет на другой. Другими словами, интерпретация прагматики может влиять на интерпретацию целостности текста, и они вместе могут влиять на интерпретацию контекста. (Fairclough 2001, 118–121.)

Для интерпретации контекста Фэрклоу (2001, 122–124) устанавливает четыре вопроса: что происходит (определение содержания); кто действует (определение субъектов); какое отношение между субъектами; какую роль играет язык? В контексте данной работы нам можно ответить так: мы анализируем восстановление баланса ядерного сдерживания великих держав с точки зрения России; нашими субъектами являются офицеры, авторы статей по данной теме в журнале «Военная мысль», а также президент России Владимир Путин; отношение между ними – это социальные структуры военно-политического режима России; язык используется офицерами и Путиным для построения убедительного уровня ядерного сдерживания, чтобы ответить на расширение ПРО США.

В-третьих, объяснение является последней фазой КДА по Фэрклоу (2001, 135–138). В этой фазе мы рассматриваем, каким образом данный дискурс соединяется с социальными контекстами и социальными структурами. Мы изучаем, каким образом власть и отношения между акторами видны в дискурсе и какие элементы влияют на них.

Путём такого анализа нам можно описать совокупность изменений военно-политического дискурса ядерного сдерживания и проанализировать влияние на него гегемонистского дискурса Владимира Путина в области ядерного сдерживания.

4.2. Дискурсивный анализ и позиции исследователя

В данной работе мы изучаем методами дискурсивного анализа, какую позицию акторы (офицеры и военные чиновники) занимают в военно-политическом кластере современного российского режима. Такие позиции и идентичности являются центральными объектами изучения дискурсивного анализа (Juhila 2016, 332). Как пишет Кирси Юхила (там же), нам надо также учитывать, какую позицию мы сами занимаем как исследователи, потому что, когда мы изучаем дискурс, мы одновременно и создаем дискурс. Далее мы кратко обсудим некоторые позиции исследователя, которые рассматривает Юхила (2016).

Первая позиция – это аналитик (фин. *analyutikko*). Эта позиция включается в себя дистанционный, косвенный подход исследователя к материалу. У аналитика нет субъективно окрашенных представлений о материале, и он анализирует исследовательский материал логично и без личного отношения к материалу. Для исследователя, занимающего роль аналитика, такая позиция обычно при анализе разговоров. Аналитик действует «снаружи» материала и отмечает тщательно детали в данных рамках. (Juhila 2016, 332–333.)

Вторая позиция – это адвокат (фин. *asianajaja*). В сравнении с аналитиком, который находится «снаружи» текста, адвокат делает наоборот – он усваивает роль деятеля, который не только анализирует отношения между лингвистическими явлениями и социальной реальностью, но и сам хочет влиять на социальную реальность своими ценностями. Эта позиция сильно связана с постструктурализмом и теориями власти Мишеля Фуко. Исследование таких динамик власти также позволяет исследователю обнаружить неравновесие власти и, может быть, стремиться к эмансипации каких-то объектов исследования. (Juhila 2016, 336.) Кроме того, что именно у адвоката часто его ценности видны в исследовании, у каждого исследователя, в принципе, есть какие-то ценности, которые всё-таки влияют на исследование (Gill 1995 – цит. по Juhila 2016, 336). Например, у исследователя может быть свое представление об объекте исследования, и поэтому он или она представляет какую-то сторону исследовательских вопросов больше,

чем другие, и у каждого исследователя есть какой-то план (там же). Эта позиция свойственна КДА.

Третья позиция – это интерпретатор (фин. *tulkitsija*). Отношение с текстом у аналитика является косвенным и дистанционным и у адвоката оно является политическим и личным, у интерпретатора, в свою очередь, отношение является интерактивным. В интересах интерпретатора изучать многие стороны исследовательского материала и найти новые исследовательские вопросы в нём. Взаимодействие с материалом даёт интерпретатору возможность отражать свою связь с исследовательским материалом и исследовательскими вопросами. Кроме того, у интерпретатора нет такой же агенды эмансипации, как у адвоката. (Juhila 2016, 341–342.)

Четвёртая позиция – это собеседник (фин. *keskustelija*). Собеседник сам стремится вступать с результатами своего исследования в какой-то общественный разговор. Эти разговоры происходят, по словам Юхила (2016, 346), на «многих публичных аренах», например на научных аренах или аренах медиа. Собеседник очень сильно влияет на дискурс данной темы, потому что он активно участвует в формировании социальных реальностей. Собеседник также активно защищает свою теорию и свои результаты исследований. Он или она может критически оценивать дискурсы и идеологии в данных разговорах. (там же, 346–347.)

Наша позиция в данной работе не неоднозначна. С одной стороны, мы стараемся анализировать российские военно-политические статьи ядерного сдерживания снаружи – мы совсем не участвуем в этом разговоре, потому что у нас нет возможности влиять на этот дискурс. Но, с другой стороны, наша работа влияет и на понятие финского академического коллектива о российском дискурсе ядерного сдерживания, и на метатеорию дискурсов, то есть на то, какие дискурсы можно изучать и какими методами. С этой точки зрения мы занимаем, по крайней мере частично, позицию собеседника. Несмотря на то, что мы применяем методы КДА и рассуждаем о власти, гегемонистских дискурсах и господствующих кластерах, у нас нет плана перестройки власти внутри российского общества. Мы просто обнаруживаем эти социальные конструкции и иерархии общества для понимания результатов данного речевого воздействия. Также хорошее понимание особенностей российского общества помогает нам анализировать речевой жанр в данном контексте. Вследствие этого нам не подходит роль адвоката. Мы всё-таки считаем, что нам лучше подходит позиция аналитика. Юхила (там же, 356) подчеркивает, что позиция аналитика, адвоката или интерпретатора прежде всего

определяет отношение исследователя с исследовательским материалом, а позиция собеседника работает с результатами исследования. Следует отметить, то мы занимаем и позицию аналитика (основная позиция), и интерпретатора (вторичная позиция) с точки зрения нашего отношения с материалом, и также мы постараемся (хотя бы частично) стать собеседником с результатами исследования в дальнейшем.

4.3. Теория речевых актов

Теорию речевых актов первым в мире представил американский филолог Джон Остин. Он аргументировал, что речевое выражение – это не только речь, но действие. То есть приказы, вопросы, предупреждения и так далее являются на самом факте видами действия, а не только словами (Фэрклоу 2001, 7–8). Самый простой речевой акт – это перформативный речевой акт, который состоит из глагола первого лица; это, например, просьба или приказ (Nikunlassi 2002, 324–325). Речь редко формируются только прямыми высказываниями, и поэтому появились в ходе дальнейшего исследования категории локутивного (прямого) речевого акта, иллюкутивного (косвенного) речевого акта и перлокутивного (манипулирующего) речевого акта (Чистанова 2018, 85–86).

Область прагматики изучает именно речевые акты, но Норман Фэрклоу (2001, 7–8) считает, что прагматика является недостаточной методологией для изучения дискурсов, потому что речевые акты является индивидуальным действием между людьми, а дискурс – это коллективное явление. Кроме того, Норман Фэрклоу и Изабелл Фэрклоу (2012, 5) отметили, при анализе политических текстов аналитик должен обращать внимание и на дискурсы, и также на жанры речи.

4.4. Теория речевых жанров

Теория речевых жанров была разработана русским философом и языковедом Михаилом Бахтиным (Вежбицкая 1997, 100). Бахтин (1979 – цит. по Вежбицкая 1997, 101) установил, что в речевые жанры включаются определённые ключевые речевые акты. То есть идея Фэрклоу (2001, 7) в том, что теории речевых актов и прагматики недостаточны для понимания дискурсов, весьма похожа на теорию Бахтина. Речевые акты являются довольно короткими моментами речи, обычно ограниченные одним предложением: вопрос отличается от приказа, а без контекста оба не имеет важного значения в дискурсе.

Для анализа больших совокупностей речевого действия нам надо изучать не только одинаковые речевые акты, а весь текст, включающий определённые речевые акты в определённом порядке. Речевые жанры приближаются к дискурсам, и, по-нашему мнению, формируют связь между исследованием речевых актов и дискурсов.

В своем Послании Владимир Путин (2018) не использовал директивные речевые акты, когда он объяснял новое поколение стратегического оружия для укрепления ядерного сдерживания России. То есть он прямо не использовал предложения с угрозами, но он всё-таки использовал речевой жанр угрозы. Он косвенно намекал, что у России есть гиперзвуковое и другое оружие, которое является неуязвимым для систем ПВО и ПРО США и оно фактически находится на дежурстве в данный момент. Это соответствует схеме речевого жанра угрозы, как установила Анна Вежбицкая (1997, 104): «говорю: я хочу, чтобы ты знал, что если ты сделаешь X, то я сделаю тебе нечто плохое. [Д]умаю, что ты не хочешь, чтобы я это сделал. [Г]оворю это, потому что хочу, чтобы ты не сделал X.» Следуя этой схеме, Путин (2018) практически сказал: я хочу, чтобы США знали, что если вы нападаете с использованием ядерного оружия и думаете, что ПРО вас защищает от ответного удара России, то вы неправы, потому что наше новое поколение стратегического оружия его преодолет и также вы будете уничтожены. В дальнейшем, в анализе нашего исследовательского материала мы изучаем варианты речевых жанров в статьях офицеров и сравниваем их с речевыми жанрами Послания Путина (2018).

4.5. Применение КДА в данном контексте

Выше мы определили фазы КДА по Фэрклоу (2001) и сейчас рассмотрим, как мы применяем эту методологию конкретно в нашем контексте. Мы интересуемся изменениями военно-политического дискурса ядерного сдерживания после Послания Владимира Путина 2018 года, и поэтому в наших исследовательских интересах определить понятие гегемонистский дискурс. Наша гипотеза в том, что у дискурса, созданного Владимиром Путиным, есть гегемонистская позиция в современной России вследствие его позиции в иерархии современного авторитарного режима, которую мы выше описали.

В главе теории мы уже рассмотрели концепт натурализации – это важный этап процесса рождения гегемонистского дискурса. Аналитик интересуется не только

результатами, но и самим процессом (Fairclough 2001; Jokinen и Juhila 2016, 71–72). Данная работа изучает этот процесс в контексте шести статей в журнале «Военная мысль». Мы считаем публикации данных статей частью этого процесса. Наше представление состоит из исходного положения, что в интересах режима Владимира Путина выстраивать, конструировать назначенные образы врагов России для укрепления своей власти и поддержания идеологической законности. Этот подход мы используем, когда стараемся обнаружить натурализацию в данных статьях (Jokinen и Juhila 2016, 72).

Следует отметить, что анализ интересов – это, по сути, спекуляция аналитика, и в качественном исследовании обычно делаются выводы из собственных гипотетических отправных точек аналитика (там же, 77). Невозможно «заглянуть» в головы Владимира Путина или авторов статей. Таким образом, выводы об их интересах формируются на основе нашего собственного понимания того, как функционирует путинский режим. Фэрклоу (2010, 19–20) представляет совокупность применения КДА именно для анализа гегемонистских дискурсов, которые мы используем в данной работе в своем анализе для опознания «голоса» Владимира Путина в дискурсе нашего исследовательского материала. Это – появление дискурсов (англ. emergence of discourses), отношения диалога, конкуренций и доминирования между дискурсами (англ. relations of dialogue, contestation and dominance between discourses), реконтекстуализация дискурсов (англ. recontextualization of discourses) и введение в эксплуатацию дискурса (англ. operationalization of discourse).

При анализе мы изучаем, какие дискурсы актуальны при кризисе неравновесия ядерного сдерживания между США и Россией, каким образом они представляют настоящую ситуацию и акторов, изучаем, каким образом они конструируют нарративы (появление дискурсов), раскрываем, какие дискурсы усиливаются и какие дискурсы нивелируются, изучаем возможные конкуренции между стратегическими дискурсами (отношения диалога, конкуренций и преобладания между дискурсами), показываем каким образом данный дискурс становится гегемонистским (реконтекстуализация дискурсов) и изучаем, как вводится дискурс (=как его «видят/слышат») в исследовательском материале.

Хотя мы выбрали КДА в качестве теоретическо-методологической основы нашего исследования, мы считаем необходимым упомянуть и о критике данного метода. Она обычно связана с идеологическими факторами. Например, исследователь может интерпретировать дискурсы слишком свободно, без достаточной строгости

лингвистического исследования, сосредоточиваясь только на общественных или социальных вопросах. Также критики КДА утверждают, что у исследований КДА часто нет систематического режима применения теоретических моделей исследования, а они используют КДА так, как считают нужным. (Breeze 2011, 502–503.)

Идеологии исследователей могут направлять их к упрощению дискурсов, и упрощенные модели дискурса деформируют всю концепцию реальности исследователя. Это приводит к слишком узкому пониманию исследовательского материала и искажённым результатам. (Pynnönen 2013, 34.)

Эти два наблюдения нам надо учитывать в процессе анализа нашего исследовательского материала. Во-первых, у нас междисциплинарная основа теорий и мы изучаем как лингвистические детали Послания Путина и военно-политических статей, так и репрезентации и конструкции национальных интересов и идентичности России. Вследствие этого у нас нет только одной модели для анализа дискурса. Мы решили, что КДА Фэрклоу предоставляет нам всё-таки довольно ясный порядок анализа материала и благодаря трёхуровневому порядку анализа мы пришли к мнению, что у нас достаточно строгая модель рассмотрения и обработки дискурсов. Мы критически изучаем не только исследовательский материал, но также самый процесс КДА Фэрклоу и анализируем, какие аспекты КДА нашему исследованию подходят, а какие не подходят.

Второе критическое наблюдение об идеологических моментах нам также надо учитывать. Вторжение России в Украину в 2022 году и военные преступления России в Украине сильно влияют на наш взгляд на Россию как государство. Всё-таки мы постараемся изучать и лингвистические, и политические объекты исследования в данных текстах по возможности нейтрально и объяснить действия России в области ядерного сдерживания прагматически, без идеологических целей и обвинения.

5. ДИСКУРС ЯДЕРНОГО СДЕРЖИВАНИЯ В ПОСЛАНИИ ВЛАДИМИРА ПУТИНА 2018 ГОДА

Для детального анализа нашего исследовательского материала мы, во-первых, изучаем дискурс ядерного сдерживания Владимира Путина в его Послании 2018 года, чтобы у нас был бы исходный пункт для анализа статей в журнале «Военная мысль». Военная часть Послания Путина 2018 года была довольно длительной, он выступал почти 45 минут. Мы определили три основных дискурсивных элемента, упомянутых Путиным. В начале он зачитывал некоторые ключевые цифры, описывающие развитие и совершенствование Вооружённых сил России в течение года. После этого тон Послания изменился: Путин обратил внимание на действие США в области ПРО. Он подчеркнул, что выход из договора по ПРО США нарушил стратегическую стабильность и России необходимо ответить на это действие своими балансирующими действиями. После этого Путин начал демонстрацию нового поколения стратегического оружия России. В конце Послания он ещё объяснил доктрину сдерживания России и сравнил её принципы с аналогами доктрины США. В таблице № 1 мы сформулировали элементы дискурса Путина, их нарративы, речевые жанры и речевые акты.

В следующей таблице № 2 видна корреляция между словами «страте*», «систем*», «противорак*» и «оружи*». Эти данные Послания, проанализированные компьютерной программой Voyant-tools, показывают, что в тексте Послания Путина эти слова он используются вместе. Слово *противоракетная* и его аббревиатурное сокращение ПРО являлось самым сложным объектом изучения, потому что Путин чаще всего используют сокращение «ПРО», а оно – проблематичное аббревиатурное слово для распознавания этой программой, потому что оно смешивается с предлогом «про».

Дискурс	Нарратив	Речевые акты	Речевые жанры
Выход США из договора по ПРО	США действуют дерзко и не учитывают интересы России	Косвенные, персуазивные акты	Объяснение, жалоба
Демонстрация нового поколения стратегического оружия	Необходимость ответить США за нарушение договора по ПРО	Косвенные, репрезентативы и иллокутивные акты	Лекция

Сравнение доктрин ядерного сдерживания США и России	У США есть инициатива, а Россия обороняется	Перлокутивные, перформативные	Угроза, лекция, объяснение
---	---	-------------------------------	----------------------------

Таблица № 1: дискурсы ядерного сдерживания в Послании Владимира Путина 2018 года.

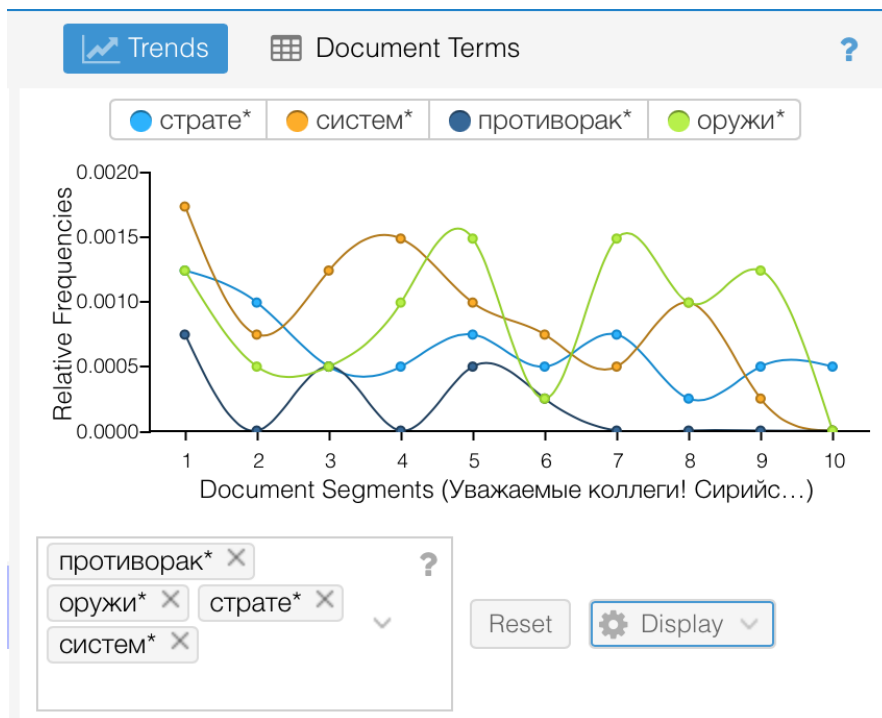

Таблица № 2: корреляция терминов «стратегическое оружие» и «противоракетные системы». (Voyant-tools.org)

Корреляция ключевых слов указывает нам, что Путин часто повторяет темы ПРО и стратегического оружия. Это интересный исходный пункт для нашего исследования: по предварительным результатам нам можно предположить, что речь идёт о вопросах стратегического балансирования.

Следовательно, мы проанализируем центральные темы данных статей и рассмотрим детали этих дискурсов. Объяснение этих дискурсов помогает нам представить исходный пункт для сравнения дискурса Послания Путина с дискурсами статей в журнале «Военная мысль».

5.1. Дискурс: выход США из договора по ПРО

Путин (2018) аргументировал в своём Послании, что именно договор по ПРО 1972 года был основой стратегической стабильности, потому что он ограничивал способности

сверхдержав аннулировать ответный удар другой и таким образом сдерживал вероятного противника наносить первый удар из-за высокой вероятности разрушительного ответного удара. По Путину, Россия действовала именно переговорщиком, постаравшимся уговорить США не выходить из этого договора и не нарушать баланс сил ядерных держав. По его словам (там же), Россия хотела сохранить атмосферу доверия и продолжать «совместную работу на этой области». Путин дальше аргументировал, что на самом факте США имели практически гегемонистскую власть в глобальном порядке 90-х годов и контролировали стратегическое планирование России после распада СССР.

Этот дискурс является персуазивным речевым актом, назначающим Россию на роль жертвы и США в их роли агрессора, который действует эгоистически и не учитывает интересы или тревоги России. Речевыми жанрами этого дискурса являются объяснение и жалоба. Речь Путина следует идее речевого жанра объяснение, как он описан Анной Вежбицкой (1997, 107): исходного пункта потребности объяснить слушателям грубость действия США, потому что они этого не понимают. Но прежде всего, речевой жанр жалобы играют даже большую роль: Путин обвиняет США в ухудшении положения России (там же, 105).

5.2. Дискурс: демонстрация нового поколения стратегического оружия

Путин (2018) представил новое стратегическое оружие как правомочный ответ на действие США. Он подчеркнул способность этого оружия обходить и преодолевать и настоящие и перспективные элементы глобальной системы ПРО. Он продемонстрировал, что оружие типа «Сармат» или «Буревестник» может обходить районы, где элементы ПРО США находятся, и создал представление о том, что Россия является лидером в области технологии постройки данного оружия и это оружие неуязвимо для ПРО и ПВО.

Речевые акты в дискурсе Путина являются репрезентативными и иллюкутивными. Путин репрезентируют представление необходимой ядерной мощи России иллюкутивными речевыми актами, то есть он опосредованно высказывает, что сейчас у России есть превосходство в области стратегического наступательного оружия и могущество нанесения ответного удара несмотря на то, что у США есть

высококачественная система ПРО. Демонстрация мощности этого оружия конструируется именно на речевых актах Путина, потому что большинство видеоматериала, представленного в ходе Послания, является анимированным изображениями. Доказательств эффективности этого оружия в то время не было. Речевой жанр этого дискурса похож на лекцию: говорящий думает, «что слушатели должны знать нечто об X» (Вежбицкая 1997, 105). Путин хотел, чтобы и отечественные слушатели, и вероятные противники России знали, что у России есть новое оружие без аналога в мире.

5.3. Дискурс: сравнение доктрин ядерного сдерживания США и России

Третий дискурс данного Послания – это сравнение ядерных доктрин США и России. Обзор ядерной стратегии США 2018 года был опубликован незадолго перед Посланием Путина. В своём Послании Путин (2018) акцентирует мысль, что доктрина России «очень чётко, ясно и конкретно» устанавливает случаи, позволяющие России нанести ядерный удар. В то время доктрина России определяла, что Россия может ответить ядерным оружием, если на неё или её союзников напали бы ядерным оружием, другими видами оружия массового поражения или обычным оружием, нанеся крупномасштабный удар со стратегическими целями. Путин сам объясняет, что эта доктрина отличается от аналога США, потому что у США их «красная линия» ответного или превентивного ответа не так ясно в доктрине высказана. Доктрина США также говорит о неядерных стратегических угрозах, в том числе о киберугрозе (Department of Defence 2018). Основные принципы коллективного ядерного сдерживания, защищающие страны-союзники обеих ядерных держав, также похожи друг на друга.

С точки зрения теории речевых актов объявление Путина является перформативным речевым актом. Он прямо угрожает кому-нибудь, кто планирует ядерное или неядерное нападение на Россию. Естественно, речевым жанром в этом случае является угроза, потому что это объявление следует схеме, установленной Вежбицкой (1997, 103): «я хочу, чтобы ты знал, что если ты сделаешь X, то я сделаю тебе нечто плохое». Кроме данного перформативного объявления у третьего дискурса также есть элементы лекции и объяснения.

6. АНАЛИЗ СТАТЕЙ

6.1. Сбор материала

После изучения Послания Владимира Путина 2018 года мы начали собирать военно-политические статьи по аналогичной или соответствующей проблематике в разных источниках, в том числе научные статьи преподавателей или слушателей военных училищ и академий. Поиск через Яндекс и Google при помощи ключевых слов «современное ядерное сдерживание России», «средства ядерного сдерживания России», «ПРО и ядерное сдерживание» дал нам ссылки на некоторые статьи из журнала «Военная мысль». После выбора источников мы ограничили поиск для статей в хронологическом диапазоне с 2018 до 2022 года, чтобы нам можно получить материал после Послания Путина 2018 г. и новейшие статьи, в которых может быть прямо или косвенно видно воздействие войны в Украине 2022 года.

6.2. Краткое содержание статей

О. С. Купач (2018) рассматривает в своей статье *Анализ программы США «Неядерный быстрый глобальный удар»* влияние программы США стратегических неядерных средств сдерживания «Неядерный быстрый глобальный удар» (англ. Prompt global strike, далее – НБГУ) на баланс сил между США и Россией. Основной идеей НБГУ является крупномасштабное, одновременное применение баллистических ракет и высокоточного оружия с неядерными боеголовками для внезапного и вызывающего огневое поражение стратегических объектов противника без ядерных взрывов. Автор анализирует в том числе концепцию, планирования, средства и финансирование проекта НБГУ.

В статье *Современные трансформации концепции и силовых инструментов стратегического сдерживания* С. В. Крейдин, А. А. Протасов и А. Е. Стерлин (2019) анализируют возможности концепции трёхуровневой системы стратегического сдерживания. Они рассматривает среди прочего отношение между ядерным и неядерным стратегическим оружием как средство сдерживания на глобальных, региональных и локальных уровнях. Они также учитывают влияние возможности применения неядерного оружия на вооружении СНС.

О. Ю. Аксёнов и Ю. Н. Третьяков (2020) в своей статье *Россия и США: концептуальные подходы к ядерному сдерживанию* рассматривают исторические факты и подробности развития концепций ядерного сдерживания в России (СССР) и США. Кроме того, они сравнивают отношение двух великих держав к договорам ядерного оружия и также вопросам организации ПРО. В статье также рассматриваются роль научно-испытательных институций в области ядерного сдерживания.

В статье А.В. Евсюкова и А.Л. Хряпина (2020) *Роль новых систем стратегических вооружений в обеспечении стратегического сдерживания* авторы сосредотачиваются именно на новом поколении стратегического оружия России и анализируют их свойства как средств сдерживания, они также рассматривают возможности их применения в военной ситуации.

В свою очередь М. Г. Валеев, А. В. Платонов и В. И. Ярошевский (2021) изучают вопросы ПРО между Россией и США. Они рассматривают кризисы между двумя великими державами в области ПРО и определяют рамки возможного взаимодействия для двухстороннего доверия.

В нашем исследовательском материале новейшая статья нашего исследовательского материала С. В. Крейдина и В. В. Сухорутченко (2022) *Ядерное сдерживание в условиях развития глобальной системы противоракетной обороны США* касается ещё раз вопросов развития и развёртывания ПРО США и вызовов адаптации России к данной ситуации.

6.3. Фазы анализа

Мы обрабатываем наш исследовательский материал в том порядке, который описан Фэрклоу (2001): мы перейдём от внешних, текстовых, уровней до внутренних уровней социальных контекстов. Ниже мы разделяем анализ каждой статьи на три фазы:

1. текстовый анализ статьи: мы рассмотрим выбор слов и сформируем корпус концептуально значимых слов, в которых мы попытаемся опознать идеологические акцентуации;
2. дискурсивный анализ статьи: мы интерпретируем контекст и намерение текста. Мы перейдём к аспекту интертекстуальности и рассмотрим сходства между данной статьей и Посланием Путина 2018 года. Другими

словами, в этой фазе мы изучаем влияние гегемонистского дискурса в данной статье;

3. объяснения дискурса статьей: мы интерпретируем отношение статьи и её дискурса ядерного сдерживания к национальной идентичности России и его роли как средства поддержания власти военно-политической элиты в путинской России.

6.4. Результаты анализа

6.4.1. Купач О.С. (2018): Анализ программы США «Неядерный быстрый глобальный удар»

6.4.1.1. Текстовый анализ

Купач (2018) начинает свою статью с замечания, что ядерные державы наконец поняли, что применение ядерного оружия ведёт к «катастрофе», но он, кроме того, акцентирует внимание на уникальной роли ядерного оружия как средства сдерживания. Он говорит о «крупномасштабной агрессии США» и «жертвах» их агрессии. Купач (там же, 18) определяет крупномасштабную агрессию такими словами: «[п]од крупномасштабной агрессией понимается агрессия, целью которой является смена государственного строя (режима) государства-жертвы агрессии». Он считает, что применения НБГУ будет против «политических противников» США, которые будут «жертвами агрессии». Фраза «жертва агрессии» повторяются в тексте 7 раз в различных формах. Нам было также интересно отметить, что Купач включил в список ключевых слов его статьи слова «международная безопасность». Этот выбор намекает, что Купач считает НБГУ угрозой международной безопасности и тема кажется ему серьёзной.

После введения Купач (2018, 19) продолжает анализировать планирование и условия применения НБГУ. Он рассказывает, что у США сейчас есть специальный штаб именно для планирования применения НБГУ, подчеркивая важность этой программы. Купач даёт читателям пример условий: НБГУ могут использовать в случае поддержки смены власти в неприятельском государстве – с помощью данной системы можно аннулировать ядерный потенциал в данном случае. После этого Купач (там же) анализирует возможности реализации НБГУ словами «можно реализовать только с помощью авиационных или морских ракет среднего или дальнего радиуса действия,

крылатых ракет, размещенных на стратегических бомбардировщиках или подводных лодках, и межконтинентальных баллистических ракет (МБР), базирующихся в море или на суше в Соединенных Штатах». Купач (там же) рассказывает, что практически МБР и БРПЛ являются единственными реалистическими средствами нанесения данного удара. Он дополняет: сами США отличали высокоточное обычное оружие большой от ядерного оружия под названием «наступательное ударное оружие». Эта часть статьи является профессиональным и нейтральным текстом.

Купач (там же 19–22), следовательно, изучает финансирование и испытание перспективных средств НБГУ: ракетная система CSM и планирующие гиперзвуковые боеголовки HTV-2 и ANW. Он (там же, 20) рассказывает, что CSM является ракетой высокой маневренности, способной обходить системы ПРО и ПВО и «не вторгаться в воздушное пространство нейтральных стран». HTV-2 Купач описывает как летательный аппарат, способный достигать скорости до 20 Махов. Он дальше рассказывает, что испытание HTV-2 не было успешным и главным проектом НБГУ является сейчас ANW. Он подчеркивает, что НБГУ наносили бы такими же системами и средствами, как ядерный удар и это является самым сложным вопросом, потому что вероятный противник не знает, прилетит ракета с ядерной или неядерной боеголовкой. Купач (там же, 22) замечает, что хотя финансирование проекта НБГУ растёт каждый год, это ещё только фракция бюджета системы ПРО. В конце своей статьи он акцентирует, что, хотя этот проект требует времени для его реализации, России надо иметь «адекватный ответ» на эту программу.

В итоге текстовый уровень статьи Купача (2018) является деловым и стиль статьи похож на научный стиль. Отбор слов автора вообще довольно нейтральный, и он часто говорит о «государстве-жертвы агрессии». Он не называет никаких стран, но мы интерпретируем, что он говорит прежде всего о России, и также Китае, Иране, Северной Корее и Сирии, то есть противниках США. Этой статье лучше всего подходит речевой жанр «лекция». Речевые акты в статье являются локутивными, прежде всего высказывающие положение вещей: что такое НБГУ, какие средства входят в эту систему, какая у системы готовность, какое финансирование.

6.4.1.2. Дискурсивный анализ

Во введении своей статьи Купач (2018,18) акцентирует внимание на том, что хотя ядерная война – это катастрофа, всё-таки ядерное оружие является надёжной гарантией

мира, и это практически необходимо для обороны суверенитета государства. Этот дискурс связан с категорией политического реализма и повторяет идею об «эгоистических государствах» и постоянном сражении за власть (Beach and Pedersen 2020, 6–7). Кроме этих наблюдений во введении и в конце, в тексте нет жестких политических коннотаций.

Купач (2018) не комментирует создание гиперзвукового оружия России, но он отметил, что у США такие проекты есть. Он изучает возможности применения и гиперзвукового оружия, и системы глобальной ПРО США для ядерного нападения и аннулирования ответного удара России. Он (там же, 22) видит их как весьма грозный вид оружия и требует в конце статьи «адекватного ответа» такому оружию, предполагаемому со стороны России. Этот нарратив похож на Послание Путина (2018), в котором Путин акцентирует мысль о необходимости обновления стратегического арсенала России, чтобы ответить на вызовы развития и развёртывания систем ПРО США. Кроме научного и делового стиля статьи, тема НБГУ отражает тревогу России вследствие совершенствования нового оружия США. Предупреждение будущей гонки вооружений и требование обновления средств сдерживания России усиливают дискурс стремления США к доминированию.

Важно отметить, что статья Купача (2018) опубликована в декабре 2018 года, то есть через 9 месяцев после Послания Путина в том же году; дата написания статьи неизвестна. Таким образом, невозможно определить, влияло или нет Послание Путина на неё. Всё-таки гиперзвуковое оружие и ПРО являются центральными темами этой статьи, и тема в момент публикации была весьма актуальная. Также автор усиливает нарратив России как возможной жертвы агрессии США, принужденной к ответному действию. Таким образом, нам можно заключить, что у дискурса статьи Купача и Послания Путина есть сходства, но невозможно определить прямое влияние дискурса Путина как гегемонистского дискурса в этом случае. В ретроспективе вместе статья Купача с Посланием Путина конструируют сплочённый дискурс ядерного сдерживания.

6.4.1.3. Объяснение дискурса

В статье Купача (2018) довольно прямо репрезентируются США как агрессор, создающий новое оружие и новые способы его применения для аннулирования ядерного потенциала России. Владимир Путин (2018) также обвинял США в том, что их действия несут риск равновесию ядерных потенциалов. Это дискурс похож на действия

государств-ревизионистов, о которых писал Александр Вендт (1999, 125): для оправданности своих действий государства-ревизионисты создает нарративы об их позиции как жертв агрессии другой страны или блока стран. В дискурсе статьи Купач (там же) косвенно обсуждает тему отношений США и России и требованием «адекватного ответа» на программу НБГУ он усиливает идентичность России как реагирующего актора, который вынужден делать это для противодействия агрессии США.

Дискурс данной статьи и дискурс Послания Путина 2018 года отражает мировоззрение военно-политической элиты России: конкуренция между странами является эгоистической, и России нельзя допускать США иметь превосходство в области стратегического вооружения. В мире, где Россия может диктовать правила конкуренции ядерного вооружения и сдерживания, с точки зрения данной элиты, есть и может быть стратегическая стабильность.

6.4.2. Крейдин С.В., Протасов А.А. и Стерлин А.Е. (2019): Современные трансформации концепции и силовых инструментов стратегического сдерживания.

6.4.2.1. Текстовый анализ

В самом начале своей статьи Крейдин, Протасов и Стрелин (2019, 7) цитируют Владимира Путина и определяют стратегическое сдерживание и нейтрализацию внешней угрозы как суть оборонной политики России. Они также (там же, 7–8) акцентируют мысль, что у России есть много средств сдерживания, кроме военных мер.

Самой темой статьи является переход к трёхуровневой системе стратегического сдерживания, которая подразделяется на глобальный, региональный и локальный. Авторы представляют идею США, как они таким образом планируют развернуть свою систему сдерживания. Авторы не прямо называют США «агрессором», как Купач (2018) в своей статье, но они косвенно показывают, что США имеет «стремление к доминированию» на всех этих уровнях (Крейдин и др., 2019, 8). Крейдин и другие (там же) не используют термины «наступательная» или «оборонительная» ядерная стратегия, а вместо этого они используют «аспекты зарубежной и отечественной военной стратегии». Это эксплуатации эвфемизмов.

Крейдин и другие (2019, 9), говоря о принципах ядерного сдерживания, используют довольно много метафор. Например, они называют его «обоюдной игрой ядерного опережения», в которой играют роли «сильная и слабая сторона». Авторы также описывают гонку вооружений как повторяющийся цикл и сравнивают её с эффектом «снежного кома». Они также подразделяют стратегическое сдерживание на «базис» ядерного сдерживания и «надстройку» неядерного стратегического сдерживания. Это классическая терминология марксизма, по которому базис формировался из материалистических и экономических отношений классов, и надстройка, в свою очередь, из идеологических отношений (Плетников 2018). Крейдин и другие (2019, 9) аргументируют, что неядерные средства сдерживания не работают без ядерной основы.

Авторы (2019, 9–10) объясняют важность стратегического баланса историческими примерами, в том числе карибским кризисом. Они аргументируют, что сейчас, по крайней мере по словам США, стратегическая нестабильность «выходит на новый виток» вследствие многополярности. Даже новые государства, как Серверная Корея, уже вошли в «ядерный клуб», несмотря на попытки США эту тенденцию прекратить. Авторы (там же, 11) объясняют, что у США мотивацией для выхода из договора по ПРО являлась угроза ядерного нападения со стороны Китая. Авторы (там же) продолжают, что Россия непосредственно «скорректировала» свою официальную риторику и объявила, что «американская ПРО [России] не страшна, поскольку мы располагаем богатым арсеналом мер и способов её преодоления». Использование слова «страшна» интересно, потому что это прямое высказывание о неэффективности сдерживания США. Это иллюкативный речевой акт. Россия в сдерживание США не верит, потому что есть возможность преодоления его. Кроме того, согласно авторам, это действие США нарушило стратегическую стабильность. Они (там же) цитируют русскую мудрость: «за что боролись, на то и напоролись».

Авторы (2019, 12), говоря о выходе США из договора о ракетах средней и меньшей дальности (далее – договор по РСМД), называют американцев «ястребами», которые обвинили Россию в нарушении данного договора. Они (там же) обвиняют чиновников США в «глупости», потому что они не верят своим исследователям в области сдерживания, и авторы аргументируют, что из-за этого России надо «страховаться» созданием нового поколения стратегического оружия.

В конечном абзаце авторы (2019, 17) ещё раз подчеркивают, что Россия не хочет стать лидером мира, как США, а будет защищаться разными средствами и способами.

Они опять применяют известное выражение: «кто на нас с мечом пойдёт, тот от меча и погибнет». Это косвенный речевой акт.

Текстовые детали, выбор слов и риторика Крейдина и других (2019) отличаются, в том числе, от статьи Купача своим стилем. Крейдин и другие используют много метафор и выражений, и тон текста острее, чем у Купача, у которого стиль весьма деловой. Выбор некоторых слов, например «глупость», довольно дерзкий. Речевой жанр похож на жалобу, и вообще коннотации текста часто схожи с Посланием Путина. Речевые акты направлены в сторону отечественных читателей: они являются убеждающими, иллюкутивными актами с целью увеличения правдоподобия обновления стратегического арсенала и доктрины, чтобы «страховаться» от угрозы США.

6.4.2.2. Дискурсивный анализ

Данная статья совсем не имеет нейтрального подхода к вопросам ядерного сдерживания, в её тексте сильно конструируют нарратив различия принципов сдерживания у России и США и оправданности действий России в области ядерного сдерживания.

Для подчёркивания уникальности и оправданности стратегии и доктрины России авторы аргументируют свою позицию ссылкой на Послание Путина 2018 года такими словами:

«[...] мы не собираемся ни на кого нападать, и все наши военные приготовления носят исключительно миролюбивый характер, что ещё раз подчеркнуто Президентом В. В. Путиным в обращении к Федеральному Собранию.» (Крейдин, Протасов и Стрелин 2019, 8.)

Эта цитата действует как заявление позиции России как жертвы агрессии и даёт право России (и авторам) ответить США, потому что, согласно авторам, её шаги являются миролюбивым действием.

Критика Крейдина и других (2019, 8) направлена на США: они обвиняют США в их агрессивной политике со ссылкой на «Обзор ядерной политики» (*Nuclear Posture Review*). Авторы (там же) данной статьи говорят о «стремлении [США] доминировать на всех ступенях «лестницы эскалации», в том числе в глобальной [...], региональной [...] и локальной [...] войне.» Согласно авторам, доктрина США похожа на доктрину НАТО, в которую входят «традиционно» принципы первого удара ядерным оружием и «принцип неопределенности ядерного порога» (там же). Это вместе с цитатой Путина о миролюбивой природе России в области ядерного сдерживания весьма ясно противопоставляет принципы ядерного сдерживания Запада и России в антагонистические позиции.

Авторы (2019, 11) считают, что ответственность за ядерную безопасность сейчас находится в руках США. Они аргументируют, что, например безответственные действия США были бы единственной возможной причиной первого ядерного удара Северной Кореи. Вследствие этого они считают, что обоснование США расширения глобальной системы ПРО против угроз Северной Кореей является недостаточным, а настоящая цель расширения ПРО – это достижение глобальной гегемонии.

Кроме обвинения США в нарушении стратегической стабильности, дискурс статьи сосредоточивается на обновлении концепции стратегического сдерживания России в трёхуровневой форме. Авторы (2019, 14) аргументируют, что применение стратегических неядерных арсеналов в локальных войнах будет улучшать боевую живучесть носителей оружия, потому что они могут действовать вне пределов систем противника, в том числе ПВО. Эта доктрина сейчас практикуется Вооружёнными силами России в Украине. Всё-таки применение дальнобойного и высокоточного оружия не принесло России значительного успеха. Этот вид оружия не подавил оборонительные силы Украины, а его применяют сейчас против гражданской инфраструктуры (Вести 2022).

В конце статьи выражение, используемое авторами «кто с мечом пойдёт, от меча погибнет» также интересно. Этот выбор слов похож на Послание Путина (2018), в котором президент России жестко рассказал о многократном ответном ударе против агрессора.

6.4.2.3. Объяснение дискурса

Крейдин и другие (2019, 8) конструируют позиции России и США как жертвы и агрессора. Кроме того, авторы недовольны позицией России как жертвы агрессии. Они жестко выступают за противодействие России США и обновление стратегии сдерживания, чтобы она была равной с доктриной США. Вообще авторы (2019, 9) статьи говорят о США и России как равных полюсах. Больше всего авторы повторяют дискурс Путина о выгоде многополярности и разрушения гегемонии США как единственной сверхдержавы. Этот дискурс поддерживается Путиным до сих пор (РИА 27.10.2022).

Риторика и дискурс статьи этих офицеров похожи на теорию государств «статус-кво» Александра Вендта (1999, 123–125). Они не хотят, по-видимому, чтобы Россия стала лидером мира, а чтобы она находилась в изоляции. Политика изоляции связана на самом деле с государствами-ревизионистами: стремление к изоляции свойственно

государствам, которые чувствуют отчуждённость от других стран. Если Россия будет действовать, как Крейдин и другие (2019) предполагают, она только будет уединяться, вооружаться, укрепляться и готовиться к уничтожению вероятного противника. Такое действие является шагом к миру анархии Хоббса: война против всех. (Вендт 1999, 277–278.)

6.4.3. Аксёнов О.Ю. и Третьяков Ю.Н. (2020): Россия и США: концептуальные подходы к ядерному сдерживанию

6.4.3.1. Текстовый анализ

Авторы начинают свою статью словами: «Проблема предотвращения войны и сохранения мира на Земле». Такими словами они подчеркивают важность темы ядерного сдерживания. Во введении к своей статье Аксёнов и Третьяков (2020, 18) аргументируют, что США и СССР являлись союзниками при Второй мировой войне и их отношения друг к другу были «доброжелательными». Они (там же, 19) также описывает статус стран в то время как «партнёров», но создание ядерного оружия изменило глобальный порядок. Авторы (там же, 18) используют слово «кардинально», описывая влияние Второй мировой войны на режим глобального мира.

Авторы (2020, 18–19) описывают историю слова «сдерживания» (англ. *deterrence*) в контексте так называемой «длинной телеграммы» (англ. *The long telegraph*²) дипломата Д. Кеннана, в котором он предупредил госсекретаря США об угрозе со стороны СССР. Аксёнов и Третьяков (там же) отмечают, что английское слова «*deterrence*» имеет другую акцентуацию, чем «сдерживание», потому что в него включается идея «принуждения противника к определенным действиям». Следует отметить, что авторы понимают сдерживание как перлокутивное действие, то есть речевой акт.

После изучения коннотации слов «сдерживания» и «*deterrence*» авторы (2020, 19–20) рассматривают вопросы оборонительных средств сдерживания. Во-первых, они рассматривают историю и объясняют, что у СССР было превосходство средств ПВО против бомбардировщиков до создания баллистических ракет. Всё-таки появление МБР заставило СССР и США совершенствовать противоракеты. Аксёнов и Третьяков (там

---

² Обширный и подробный отчёт, написанный Джорджем Кенаном 22 февраля 1946 года, вторым лицом в посольстве, в котором излагаются его опасения по поводу советских амбиций.

же, 20–21) довольно прагматически говорят об испытании и совершенствовании систем ПРО, и стиль текста нейтральный. Кроме того, они (там же, 21) подчеркивают, что именно российская военная доктрина являются оборонительной и стратегия СССР в области ПРО была такой же.

Авторы (2020, 21–24) продолжают писать деловым стилем и рассматривают историю создания радиолокационных систем, систем управления и систем космической обороны и США и СССР. Выбор слов довольно нейтральный, и в тексте в этих главах метафор, эвфемизмов или других языковых особенностей практически нет.

После исторического обзора, Аксёнов и Третьяков (2020, 25–27) рассматривают современное отношение между США и Россией в области ядерного сдерживания. Стиль у авторов уже профессионально-деловой, а выбор слов немного жёстче чем перед этими вопросами. Несмотря на изменения дискурсивных факторов в конце статьи стиль текста становится деловым, и лексика текста обычная: авторы пишет нейтральными словами, хотя они говорят о стремлении США к доминированию. Такого жёсткого и прямого тона, как у Крейдина, Протасова и Стрелина (2019), нет. Речевой жанр статьи похож больше на объяснение, чем на жалобу.

6.4.3.2. Дискурсивный анализ

Авторы (2020, 19) пишут, что почти непосредственно после Второй мировой войны у элиты США происходило весьма жесткое изменение взгляда на политику и отношение к бывшему партнёру, СССР. Они (там же) аргументируют, что Джордж Кеннан видел возможность партнёрства с СССР как «иллюзию». Таким образом авторы описывают отношения США и СССР как проблематичные, и за проблематичность США виноваты.

Говоря о развитии стратегии США после Второй мировой войны, в период, когда США были единственной ядерной державой, Аксёнов и Третьяков (2020, 19) без обоснований поясняют, что США планировали только ядерное нападение против СССР в военной ситуации. Быстрое развитие зенитных ракетных комплексов СССР, в свою очередь, аннулировало стратегию крупномасштабной эксплуатации бомбардировщиков с ядерным оружием. Авторы продолжают, что конвенциональную войну США вели бы в «Евразии». Евразия является весьма русским термином, который используется часто Владимиром Путиным. Путин сам видит Евразию как будущий центр мира (РИА 26.5.2022). Такой дискурс конструирует важность Евразии и отражает мировоззрение современной путинской России.

Авторы (2020, 21) аргументируют, что глобальная система ПРО США является прежде всего политическим инструментом, потому согласно ядерной доктрине США способ аннулирования ядерного потенциала России – это уничтожение пусковых установок, а не перехват ракет при полёте системой ПРО. Они (там же, 26) дальше продолжают, что вся доктрина ядерного сдерживания основана на принуждении вероятных противников, а нарратив российского понятия сдерживания является оборонительным и реактивным.

Дискурсивные детали статьи Аксёнова и Третьякова (2020) сходны с дискурсом сравнения доктрин США и СССР Послания Владимира Путина 2018 года. Несколько раз Аксёнов и Третьяков (2020, 24–26) представляют США как эгоистического актора, который постарался добиться перевеса над СССР (и потом Россией) в области ядерного сдерживания. Они (там же, 25) аргументируют, что это именно США виноваты, которые вышли из договора по ПРО и которые мешают реализации договора СНВ-3. Вследствие этого России нужно сбалансировать свою концепцию сдерживания. Всё-таки авторы (там же) не очень глубоко анализируют причины действий США. Сравнение доктрин является более важной темой статьи чем выход США из договора по ПРО.

6.4.3.3. Объяснение дискурса

Авторы (2020) повторяют нарратив, по которому Россия действует реактивно, и она вынуждена реагировать на агрессивные действия США. Авторы (там же) ставят Россию в позицию жертвы, но не так жёстко, как, например Крейдин со своими соавторами (2019). Прежде всего, дискурс данной статьи похож на цикл эволюции идентичности согласно Александру Вендту (2019, 330–336): Россия отражает действие США и определяет свою позицию в глобальном мире в отношении к США.

В статье авторы (2019, 26) представляют свою тревогу о конфликте интересов в «Евразии». Тема балансирования сил России и США в «Евразии» репрезентирует как интересы, так и идентичность России: по косвенным представлениям авторов Россия является евразийской великой державы с интересами в данном континенте. Согласно авторам (там же, 26–27) Россия защищает свои интересы и территориальную целостность с помощью сдерживающих инструментов, но США используют сдерживание для принуждения других стран в соответствии со своей волей и интересами.

6.4.4. Евсюков А.В. и Хряпин А.Л. (2020): Роль новых систем стратегических вооружений в обеспечении стратегического сдерживания.

6.4.4.1. Текстовый анализ

Евсюков и Хряпин (2020, 26) определяет стратегическое сдерживание в двух качествах: ядерное и неядерное. В статье анализируются авторами оба вида сдерживания. Во введении они аргументируют, что неядерное сдерживание станет важным качеством сдерживания в ближайшем будущем. Этот вопрос является центральным в данной статье, потому что авторы рассматривают прежде всего использование авиационного ракетного комплекса (далее – АРК) гиперзвуковой скорости «Кинжал» и боевого лазерного комплекса (далее – БЛК) «Пересвет» в ходе доядерной и ядерной фазы войны. БЛК «Пересвет» являются одним из видов нового поколения стратегического оружия, у которого ещё не было названия в Послании Путина 2018 год, а он эту систему он только кратко представил (Hrubby 2019).

В своей статье авторы (2020, 27) определяют сдерживание как «действие по устрашению, ограничению и принуждению» противника. Этот выбор слов интересен, потому что в статье Аксёнова и Третьякова (2020) авторы именно разделили концепции сдерживания СССР (России) и США как сдерживание агрессии (со стороны СССР и России) и принуждение по воле доминирующего государства (со стороны США).

Евсюков и Хряпин (2020, 27) пишут о концепции так: «неприемлемые ущербы». Этот термин, по их словам, действует как основа российской концепции стратегического сдерживания: ответный удар России наносил бы такие потери противнику, и его, противника, знание об этом сдерживало бы его не наносить первый удар. Авторы (там же, 27–30) используют фразу «доядерная фаза войны» и таким образом репрезентируют крупномасштабную войну как совокупность боевых действий, которая могут развиваться вплоть до ядерной конфронтации.

Авторы (2020, 27–30) описывают концепцию применения средств стратегического сдерживания России словами «гибкое» и «многовариантное». Таким образом они репрезентируют Россию как хорошо боеготовую для всяких угроз в области стратегического (ядерного) сдерживания.

Стиль текста Евсюкова и Хряпина (2020) деловой, и в тексте есть много технических терминов. Они пишут о развитии системы ПРО США и обвиняют США и их союзников в агрессии к России, но выбор слов авторов довольно нейтральный. У них нет жёстких слов или метафор о противнике. Говоря о применении крылатой ракеты США «Томагавк», авторы (2020, 29) используют выражение «война против Югославии», когда они говорят, наверное, о действии США против Сербии в ходе войны в Косово 1999 года. Это выражение отличается своей политической коннотацией в статье, стиль которой главным образом является деловым. Всё-таки, вообще говоря, речевой жанр данной статьи похож на лекцию и объяснение.

6.4.4.2. Дискурсивный анализ

Авторы (2020, 27) данной статьи таким же образом, как например, Аксёнов и Третьяков (2020), аргументируют, что Россия вынуждена совершенствовать свои средства сдерживания. Авторы пишут:

«В настоящее время и обозримой перспективе Россия вынуждена осуществлять сдерживание ведущих государств мира от развязывания агрессии против нее и ее союзников устраниением, в основе которого лежит военная угроза, открыто декларируемая и доводимая до потенциального агрессора.» (Евсюков и Хряпин 2020, 27.)

Евсюков и Хряпин (2020, 30) обосновывают создание нового оружия России тем, что у России сейчас есть более гибкие возможности действовать с неядерным стратегическим оружием в доядерной фазе войны. Для этого именно гиперзвуковая ракета «Кинжал» играет особенную роль. Представление оружия как «Кинжал» и «Пересвет» в данной статье действует как продолжение дискурса демонстрации нового поколения стратегического оружия Послания Владимира Путина 2018 года. У статьи есть такая же схема: во-первых, она представляет угрозу России: это развитие системы ПРО США и создание средств «мгновенного глобального удара» (также НБГУ, как у Купача (2018)), и, во-вторых, России необходимо отвечать на эти угрозы созданием нового оружия (Евсюков и Хряпин 2020).

Авторы (2020, 29) описывают тактико-технические характеристики «Кинжала» как уникального оружия и подчеркивают его роль как средства сдерживания, применение которого может даже ограничить эскалацию конфликта благодаря эффективности и точности данного оружия. Авторы (там же, 29) сравнивают «Кинжал» с американской крылатой ракетой «Томагавк», но, согласно авторам, «Кинжал» сильно отличается своей точностью. Они (там же) подчеркивают, что большинство «Томагавков» было сбито переносными зенитными ракетными комплексами. Такое сравнение и данные детали

усиливают нарратив превосходства нового АРК «Кинжал». Тема превосходства нового оружия России была центральной также в Послании Путина 2018 года.

6.4.4.3. Объяснение дискурса

Суть статьи Евсюкова и Хряпина (2020) – необходимость создания и совершенствования нового поколения стратегического оружия России для ответа на развитие глобальной системы ПРО США и других угроз. Прежде всего, авторы аргументируют, что неядерное стратегическое оружие, как «Кинжал» или лазерный комплекс «Пересвет» можно использовать в мирное время для сдерживания и в каждой из фаз конвенциональной или ядерной войны. Этот дискурс похож на дискурс Послания Путина 2018 года о том, что России необходимо совершенствовать свои арсеналы стратегического сдерживания. Дискурс данной статьи усиливают дискурс Путина о России как стране, способной создавать технологически развитые системы оружия.

6.4.5. Валеев, М.Г., Платонов А.В. и Ярошевский В.И. (2021): О кризисах во взаимодействии России и США в области противоракетной обороны.

6.4.5.1. Текстовый анализ

В своей статье Валеев, Платонов и Ярошевский (2021) рассматривают вопросы ПРО. Уже в заголовке мы увидели интересный выбор слов: авторы именно рассматривают «кризисы» в данной области. Непосредственно читатель видит, что у авторов есть мнение о статусе международных отношений США и России в данной области.

Валеев с соавторами (2021, 7) описывают гонку вооружений в «холодной войне» как «беспрецедентную», подчёркивая уникальность «соперничества между СССР и США». Вообще говоря, авторы (2021) используют слово «соперничество» несколько раз, а не говорят жёсткими синонимами как «противоборство» или «конфронтация». Кроме того, авторы (там же) не говорят о США как «противнике» России. Слово «противник» они используют только с точки зрения США, называя Россию как одну из них (Валеев и другие 2021, 11).

Валеев с соавторами (2021) рассматривают в итоге семь «кризисов» в области ПРО. Они используют чаще всего деловой стиль, но несколько раз они акцентируют внимание на негативной роли США в данных «кризисах», например: «четвёртый кризис

в области ПРО остался неразрешённым из-за отказа США» (там же, 9), «шестой кризис в области ПРО [...] также следует считать неразрешённым по вине США» (там же, 10). Речевой стиль, во-первых, похож на лекцию, а детали, как мы отметили, похожи на жалобу. Хотя авторы (2021) вообще пишут о взаимодействии для разрешения кризисов в области ПРО, они на самом деле обвиняют США в нарушении основных договоров и стремлении к доминирующей позиции в глобальном мире.

6.4.5.2. Дискурсивный анализ

Авторы (2021, 7) отметили, что именно министр обороны США Роберт Макнамара аргументировал в 1967 году, что развитие глобальных систем ПРО начинает новую гонку вооружений в области ПРО. Авторы напоминают, что вследствие этого были подписаны договоры об ограничении и систем ПРО (т.е. оборонительного стратегического вооружения) и количества наступательного ядерного вооружения (договор ОСВ-1). Согласно авторам обе стороны договорились об ограничении стратегических вооружений для поддержания стратегической стабильности. Таким образом они разрешили «первый кризис ПРО».

Валеев и другие (2021, 7) пишут: «В течение многих лет Договор по ПРО являлся «краеугольным камнем стратегической стабильности». Это почти прямая цитата Владимира Путина, который в Послании 2018 года сказал:

«Ещё в 2000 году США поставили перед нами вопрос о выходе Соединённых Штатов из Договора о противоракетной обороне. Россия была категорически против. Мы исходили из того, что советско-американский Договор о ПРО от 1972 года являлся краеугольным камнем системы международной безопасности.» (Путин 2018.)

Таким образом авторы данной статьи повторяют дискурс Путина о важности договора ПРО и наглости выход США из него. Они косвенно аргументируют что США разрушили международную стабильность своими действиями. Вообще говоря, согласно авторам (2021, 7), договоры по стратегическим наступательным и оборонительным вооружениям играют важную роль в международной стабильности и стратегическом балансе. Акцентуация важности договоров создает основу для аргументации авторов: нарушение этих договоров – враждебное, недружественное действие со стороны США, и вследствие этого Россия вынуждена отвечать своим контрдействием.

Авторы (2021, 9–10) также аргументируют, что, например морские элементы глобальной системы ПРО США могут практиковаться для стрельбы наступательного оружия, в том числе крылатых ракет. Они считают США ненадёжным актором в военной

области, России нельзя доверять оборонительному характеру данных элементов ПРО. Вообще говоря, дискурс данной статьи повторяют ряд причин, почему всякие настоящие инициативы в области ПРО США являются опасными для стратегической стабильности.

В конце статьи авторы (2021, 12) высказывают своё предложение для улучшения стратегической стабильности в области ПРО: обмен информации, взаимодействие в мониторинге пусков ракет и оценка угроз этих пусков, совместный мониторинг космического пространства и проведение переговоров о размещении оружия в космосе. Согласно авторам (там же, 11–12), такие моменты уменьшали бы гегемонию США в области ПРО. Владимир Путин (2018) не предложил никакого взаимодействия в данной области. То есть дискурс данной статьи Валеева и соавторов (2021) отличается таким предложением. У Путина в его Послании 2018 года единственным ответом на вопрос ПРО США было новое оружие России. Валеев с соавторами (2021) говорят о баллистических ракетах, крылатых ракетах и гиперзвуком оружия только как угрозе со стороны США. Дальнейшее создание данного оружия не является решением в дискурсе авторов.

6.4.5.3. Объяснение дискурса

В статье авторы сильно подчёркивают участие США в кризисе ПРО и аргументируют, что у США есть свои эгоистичные мотивы по выходу из договоров и совершенствовании своей системы ПРО. Авторы цитируют Послание Путина 2018 года, и у данной статьи есть много интерсексуальных параллелей с его Посланием. И Владимир Путин, и авторы данной статьи (2021, 10) констатируют, что Россия постаралась уговорить НАТО и США прекратить нарушать стратегическую стабильность. Валеев с соавторами представляют Россию в роли посредника, который озабочен нерациональными действиями США.

6.4.6. Крейдин С.В. и Сухорутченко В.В. (2022): Ядерное сдерживание в условиях развития глобальной системы противоракетной обороны США.

6.4.6.1. Текстовый анализ

Во введении своей статьи Крейдин и Сухорутченко (2022, 112) определяют научное исследование стратегического сдерживания как «непреходяще актуаль[ую]» область

исследования, подчеркивая важность данного жанра военнаучного исследования.

Авторы сами определяют стратегическое сдерживание такими словами:

«[...] комплекс мероприятий в политической, экономической, военной сферах, направленных на внушение противоборствующей стороне невозможности достижения ею военно-политических целей средствами вооруженной борьбы из-за неприемлемых для нее последствий в результате ответных действий» (Крейдин и Сухорутченко 2021, 112.)

Это является чётким определением данного понятия и создает ясную основу для аргументирования авторов в статье.

Крейдин и Сухорутченко (2022, 12) говорят о «доминировании» США в области ПРО. Этот выбор слова похож на дискурс других статей и подчёркивает идею о США как агрессоре с сильным стремлением к всеобщей гегемонии. Они (2022, 114) также косвенно аргументируют, что действия совершенствования оружия США предназначены для улучшения своего статуса как великой державы.

Авторы (2022, 113) говорят о «стабилизации», «парировании» и «нейтрализации угроз» и аргументируют, что России надо принимать ответные меры на нарушение стабильности со стороны США. Авторы (там же, 113; 115; 117) не один раз говорят о «необходимости» нейтрализаций угроз и ответных мероприятий для восстановления стратегического баланса.

В итоге статья Крейдина и Сухорутченко (2022) включает много военно-технических терминов с политическими коннотациями. Речевым жанром является объяснение с сильными элементами жалобы. Вообще говоря, содержание текста похоже на эссе, хотя внешний вид похож на военно-научную статью.

6.4.6.2. Дискурсивный анализ

Основная тема статьи Крейдина и Сухорутченко (2022) – это жалоба на действия США, выход их из договоров и стремление к доминирующей позиции в области ПРО и стратегического сдерживания. Этой позиций США стараются достичь развёртыванием системы ПРО и совершенствованием комплекса НБГУ (там же, 113). Авторы (там же) также подчёркивают, что США создали космические элементы ПРО, которые были запрещены в договоре 1972 года. Они, как авторы некоторых других статей нашего исследовательского материала, аргументируют, что США действовали весьма эгоистически при выходе из ряда самых важных договоров в области ядерного сдерживания.

Крейдин и Сухорутченко (2022, 115) аргументируют, что, по их мнению, ответные действия России против расширения глобальной системы ПРО США должны быть опережающие. Они (116–117) заявляют, как и Владимир Путин в своём Послании 2018 года, что необходимость России – создавать малозаметные и высокоманевренные наступательные средства ядерного сдерживания, в том числе носители ядерного оружия. Авторы подчёркивают важность преодоления системы ПРО США новыми видами оружия, чтобы сохранять стратегическую стабильность, которую США нарушили без провокаций со стороны других стран.

В итоге дискурс сильно похож на Послание Путина 2018 года: нарушение договоров, стремление США к превосходству, необходимость ответных действий России через совершенствование стратегического арсенала – всё это находится в тексте.

6.4.6.3. Объяснение дискурса

В данной статье Крейдин и Сухорутченко в свою очередь следуют нарративу Путину и подкрепляют дискурс о России как жертве агрессии США. Они косвенно обвиняют США в нарушении международных договоров. Эта статья усиливает мировоззрение России как государства-ревизиониста. Аргументы и стиль речи авторов похожи на политический реализм с весьма нигилистическими акцентуациями.

Крейдин и Сухорутченко (2022, 114) даже аргументируют, что это, на самом деле, не в интересах США совершенствовать глобальную систему ПРО, так как такое действие ускорил бы гонку вооружений. Этот аргумент ещё раз поддерживает дискурс о хаотической деятельности США. Противоречие деятельности США требует вмешательства России для стабилизации баланса сил. Опять в данном дискурсе Россия является одновременно и жертвой, и посредником.

6.5. Выводы

Анализ статей нашего исследовательского материала показал, что сходства между дискурсами статей и дискурсом Послания Путина 2018 года несомненно есть. В каждой из статей виден, по крайней мере, один из трёх центральных дискурсов Послания Путина, которые мы определили выше в главе 7: выход США из договора по ПРО, демонстрация нового поколения стратегического оружия России и сравнение доктрин сдерживания США и России. Мы собрали результаты нашего анализа в таблицу № 3. В

ней видны итоги текстового и дискурсивного анализа, объяснение данных дискурсов и сходный дискурс с Посланием Путина 2018 года.

Статья	Текстовый анализ	Дискурсивный анализ	Объяснение дискурса	Сходный дискурс послания Путина: В ³ , Д ⁴ , С ⁵
Купач (2018)	Деловой, нейтральный стиль.	Репрезентация России как жертвы возможной агрессии США, стремление США к доминированию в области неядерного стратегического оружия.	России надо поддерживать свою позицию как сверхдержавы. Россия вынуждена вступить в гонку вооружения в области гиперзвукового оружия.	Д
Крейдин, Протасов и Стерлин (2019)	Много метафор и жестких выражений; агрессивный тон против США.	Выход США из договора по ПРО нарушил стратегическую стабильность: России надо на эти действия ответить.	России нельзя быть только жертвой, а ей надо адаптироваться к угрозам	В, С
Аксёнов и Третьяков (2020)	Деловой, нейтральный стиль.	В ходе истории США совершенствовали свои элементы ядерного сдерживания, а СССР (Россия) отреагировал и поддерживал достаточный уровень сдерживания.	Россия (СССР) является реагирующим актором. Цель России – восстановить международную стабильность.	В, С
Евсюков и Хряпин (2020)	Деловой, довольно нейтральный стиль.	Необходимость создания нового оружия России. Могущество и гибкость новых видов оружия.	Россия способна и готова создавать новое оружие без аналогов в мире.	Д, с элементами В
Валеев, Платонов и Ярошевский	Деловой стиль с элементами обвинения.	Гегемония США в области ПРО. Проблематика развёртывания средств сдерживания США в глобальном масштабе.	США стремятся к доминированию и нарушают стратегическую стабильность. России нужно действовать как посредник для восстановления баланса.	В
Крейдин и Сухоручченко (2022)	Требовательный, вызывающий стиль.	На нарушение договоров США надо отвечать многими способами.	Россия является ограничивающей силой гегемонии США.	В, Д, с элементами С.

Таблица № 3: Результаты анализа исследовательского материала.

Результаты показывают, что чаще всего в статьях с темой ядерного сдерживания (в хронологическом диапазоне с 2018 до 2022) года в журнале «Военная мысль», повторялся дискурс выхода США из договора по ПРО. Данная тема была центральной в

³ Выход США из договора по ПРО

⁴ Демонстрация нового поколения стратегического оружия

⁵ Сравнение доктрин ядерного сдерживания США и России

четырёх из шести статей. Также в статьях Евсюкова и Хряпина (2020) и Купача (2018) действия США в области ПРО были кратко отмечены.

Связанной с выходом США из договора по ПРО была тема международной безопасности и стабильности. Например, в своей статье Крейдин с соавторами (2019) обсуждали вопрос о балансе сил между ядерными державами и анализировали возможные сценарии развития обстановки в области ядерного сдерживания. При текстовом анализе мы заметили, что в текст авторов включается довольно много метафор. У авторов есть сильная склонность к обвинению США за нарушение глобального порядка.

Противодействие России нарушению стабильности США также являлось одной из центральных темой. Например, в статье Евсюкова и Хряпина (2020) авторам близка позиция Путина (2018) в том, что России нужно обновление своих arsenалов и они уверены в том, что новое поколение стратегического оружия России не будет иметь аналогов в мире. Также Крейдин и Сухорутченко (2022) требуют обновления и совершенствования стратегического арсенала России, чтобы он преодолевал глобальную и территориальную систему ПРО США и восстановил стратегическую стабильность путём баланса устрашения и сдерживания.

Дискурс сравнения ядерных доктрин и подходов к стратегическому сдерживанию мы опознали, по крайней мере, в двух из шести данных статей. Хотя прямого сравнения довольно мало, практически в каждой из статей авторы репрезентировали стратегический замысел США как агрессивный. Некоторые авторы, в частности Аксёнов и Третьяков (2020), прямо высказали идею, что российская (советская) доктрина является (являлась) всегда оборонительным.

С политологической точки зрения в статье Крейдина и Сухорутченко (2022) традиция российской реалистической политологии и адаптация дискурса Послания Путина 2018 года сильно видны в нарративах, выборе слов и аргументах данной статьи. Данная статья, кроме других, усиливают нарративы необходимости ответа на агрессию США созданием нового поколения стратегического оружия для преодоления систем ПРО. Также у Купача (2018) аргумент об эгоистической природе государств похож на реалистический дискурс.

7. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В данной работе мы изучили дискурсы ядерного сдерживания в военно-политических статьях, опубликованных в журнале «Военная мысль», в хронологическом диапазоне с 2018 до 2022 года. Мы интересовались способами адаптации риторики и дискурсов Владимира Путина, которые он использовал в своём Послании 2018 года. Центральной темой военной части данного Послания была демонстрация нового поколения стратегического оружия России, с помощью которого России может ответить на угрозу расширения и развёртывания глобальной системы ПРО США.

Во введении мы представили нашу тему и исследовательские вопросы. Затем мы объяснили контекст нашего исследовательского материала: что представляет журнал «Военная мысль» и каков усреднённый «военный портрет» российского офицера? Мы представили нашу теоретическую и методологическую основу: критический дискурсивный анализ и социальный конструктивизм. Мы рассмотрели проблематику нашей методологии и обсудили вопрос междисциплинарных подходов к лингвистическому и политологическому исследованию. После этого мы представили анализ определённых статей и результаты вашего исследования.

Основной целью и основным исследовательским вопросом данной работы было определить: каким образом дискурс ядерного сдерживания военно-политических авторов России интерпретируется после Послания Путина 2018 года? Наши результаты не обнаружили одной схемы эволюции данного дискурса, но мы выявили многие схожие элементы между этими статьями и Посланием Путина.

Следует отметить, что мы нашли ответы в первую очередь на ваши вторичные исследовательские вопросы. Мы отметили, что офицеры много используют схожих выражений, терминов и понятий, как Путин в своём Послании 2018 года. Риторика, речевые акты, речевые жанры и нарративы позиции России как ядерной державы – все похожи на Послание Путина. Авторы статей несколько раз цитировали Послание Путина прямо или использовали почти буквально такие же слова, как Путин.

Прежде всего, авторы практически каждой из статей нашего исследовательского материала конструировали такой же дискурс о стабильности в области ядерного сдерживания, как Путин (2018): именно действие США нарушает стабильность и баланс сил между ядерными державами, и для восстановления баланса Россия должна реагировать. Такое сильное влияние дискурса Путина приводит к заключению, что

дискурс Путина в области ядерного сдерживания является гегемонистским среди дискурсов российской военно-политической элиты.

Международные отношения США и России находились на самом центре нашего последнего исследовательского вопроса: «Как дискурс ядерного сдерживания встраивается в концепцию национальной идентичности и национального интереса в текстах статей?» Мы определили, что идентичность России была представлена в статьях дуалистической: с одной стороны, Россия является жертвой агрессии со стороны США, которые действуют эгоистически и без ограничений международного общества. С другой стороны, Россия является посредником в глобальном миропорядке, часто стараясь уговорить США учитывать и поддерживать глобальную стабильность во взаимодействии с Россией. Кроме того, если Запад слов России не слышит, Россия должна переходить к силовым способам.

Национальный интерес России присутствовал больше как косвенное явление в текстах, чем её идентичность или роль в международных отношениях. Кроме того, например Аксёнов и Третьяков (2020) открыто говорят о возможности войны в «Евразии» и необходимости ограничения данной возможности достаточным уровнем сдерживания России. Также дискурс многополярности международных силовых отношений как желательного статуса-кво репрезентирует интересы России поддерживать свой статус как региональной великой державой.

Совокупность внешнеполитических элементов данных дискурсов поддерживают нарратив «осажденной крепости» (англ. *besieged fortress*), согласно которому Россия находится под постоянной угрозой военно-политических средств и сил Запада. Этот нарратив является одним из центральных факторов стратегической культуры России, которая определяет, по крайней мере, частично, действия России как военной и ядерной державы. (Kari 2019.)

В итоге результаты нашего исследования поддержали основную гипотезу нашего исследования: дискурс в военно-политических статьях схож с дискурсом Послания Путина 2018 года в области ядерного сдерживания в силу того, что Россия является авторитарной и иерархической страной. У России есть своя идентичность как ядерной державы и региональной великой державы и есть интересы ограничения влияния США в её сфере влияния. Таким образом, внутри военно-политической элиты нет места дискурсу, отклоняющемуся от «нормы» высшего руководства страны.

В ходе исследования мы удостоверились, что дискурсивный анализ и изучение национальных интересов и идентичностей, по крайней мере в случае России, является логически оправданным. Мы полагаем, что междисциплинарное исследование в области военно-политических дискурсов дополняет контекст результатов как с лингвистической, как с политологической точек зрения. Синтез теорий КДА и политологического социального конструктивизма мы считаем непротиворечивым, потому что объекты изучения являются такими же: во-первых, взаимодействие между акторами, и, во-вторых, немалую роль языка практически во всяких видах человеческого взаимодействия.

Объект нашей работы является многосторонним, и он хорошо подходит для междисциплинарного исследования. Как отметил Вуори (2016), ядерное сдерживание является силовым инструментом международной политики с акцентуацией выбора слов. Именно формирование косвенных угроз и иллюкативные речевые акты с целью перлокутивного воздействия на поведение страны-объекта сдерживания требует речевого мастерства. Создание достаточного уровня сдерживания является интересным процессом и объектом для исследования с точки зрения лингвистики, а влияние высказывания сдерживания глав стран является интересным феноменом с точки зрения политологии. Вследствие этого мы полагаем, что именно ядерное сдерживание является хорошим объектом дальнейшего исследования и в политологии, и в лингвистике.

В дальнейших исследованиях было бы интересно развивать исследовательский материал или в хронологическом диапазоне (с анализом бывших военных конфликтов на Северном Кавказе или в Южной Осетии), или в расширении эмпирической базы, сбора материала также в других источниках, например в новостях, транслирующих идеи массовому потребителю. Сравнение высказываний о ядерном сдерживании лидеров СССР и Путина и Медведева в пору их президентства было бы также интересным объектом для изучения эволюции дискурса ядерного сдерживания в длительной перспективе. Сравнение дискурсов военно-политических статей и новостей в области ядерного сдерживания могло бы углублять социологическую перспективу: какая разница существует между дискурсами социальных структур, страт российского общества. Также интересным объектом было бы сравнение дискурсов в области ядерного сдерживания у некоторых акторов международной политики, например России, Китая, НАТО и США. Последнее было бы хорошим объектом исследования междисциплинарной научно-исследовательской диссертации.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Исследовательские материалы

Аксёнов, О.Ю и Ю.Н. Третьяков 2020. Россия и США: концептуальные подходы к ядерному сдерживанию. Военная мысль, № 9, сентябрь 2020, с. 18–27.

Валеев, М.Г., А.В. Платонов и В.И. Ярошевский 2021. О кризисах во взаимодействии России и США в области противоракетной обороны. Военная мысль, № 7, июль 2021, с. 6–12.

Евсюков А.В. и А.Л. Хряпин 2020. Роль новых систем стратегических вооружений в обеспечении стратегического сдерживания. Военная мысль, № 12, декабрь 2020, с. 26–30.

Крейдин С.В. и В.В. Сухоругченко 2022. Ядерное сдерживание в условиях развития глобальной системы противоракетной обороны США. Военная мысль, № 5, май 2022, с. 112–117.

Крейдин, С.В., А.А. Протасов, и А.Е. Стерлин 2019. Современные трансформации концепции и силовых инструментов стратегического сдерживания. Военная мысль, № 8, август 2019, с. 7–12.

Купач, О.С. 2018. Анализ программы США «Неядерный быстрый глобальный удар». Военная мысль, № 12, декабрь 2018, с. 18–22.

Путин, Владимир. 2018. Послание Президента Федеральному собранию. Президент России, 01.03.2018. <http://kremlin.ru/events/president/news/56957>. (Просмотрено 2.10.2022).

Список литературы

- Азизов, У. Б. 2015. Конструктивизм в международных отношениях: интерпретация Николаса Онуфа, Фридриха Кратохвила и Александра Вендта. СПб: Алетейя.
- Большая Евразия станет центром, который многих заинтересует, заявил Путин. РИА Новости. 26.5.2022. <https://ria.ru/20220526/evraziya-1790846611.html?ysclid=lbdvbdifie72313746> (Просмотрено 7.12.2022.)
- Вежбицка, Анна 1997. "Речевые жанры // Жанры речи." ГосУНЦ «Колледж»: 99–112.
- Военное Обозрение. 1.3.2022. *Стратегические силы сдерживания: структура, возможности и задачи.* <https://topwar.ru/192870-strategicheskie-sily-sderzhivaniya-struktura-vozmozhnosti-i-zadachi.html?ysclid=la1czq869h920355837> (Просмотрено 5.11.2022)/
- Военное Обозрение. 2022. *Стратегические силы сдерживания: структура, возможности и задачи.* 1.3.2022. <https://topwar.ru/192870-strategicheskie-sily-sderzhivaniya-struktura-vozmozhnosti-i-zadachi.html?ysclid=la1czq869h920355837> (Просмотрено 5.11.2022)/
- Mathers, Jennifer G 2012. "Nuclear Weapons in Russian Foreign Policy: Patterns in Presidential Discourse 2000–2010." *Europe-Asia Studies*. 64(3): 495–519.
- Орлов А.С., Георгиева Н.Г., Георгиев В.А. 2012. «Договор по ПРО 1972 года, 26 мая.» В: Исторический словарь, 166–167. 2-е изд. Москва.
- Пирттикоски, Катарийна 2018. Репрезентация развёртывания систем противоракетной обороны США в Восточной Европе в текстах российских СМИ. Pro gradu - tutkielma. Itä-Suomen yliopisto.
- Плетников, Ю. К. 2018. *Базис и надстройка.* <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASHad6abc624895ad21e87aad> (Просмотрено 13.12.2022.)
- Президент России 2020. Указ Президента Российской Федерации от 02.06.2020 г. № 355: Об Основах государственной политики Российской Федерации в области

ядерного сдерживания. 02.06.2020. <http://kremlin.ru/acts/bank/45562>
(Просмотрено 2.10.2022).

Путин рассказал, что считает основой многополярного устройства 2022. РИА Новости.
27.10.2022. <https://ria.ru/20221027/putin-1827287535.html?ysclid=lbdg3t58sd457992190> (Просмотрено 7.12.2022.)

Ривера, Дэвид В., и Шэрон Вернинг Ривера. “Силовики и Демократия По-Прежнему Несовместимы? Анализ Данных Исследования Российских Элит 2016 Года.” *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены* 5: 163—176. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.5.1867>.

Родиков, С.В. 2018. Журналу «Военная мысль» – 100 лет. *Военная мысль*, № 5, май 2018, с. 5–17.

Российское высокоточное оружие выводит из строя энергосистему Украины. 2022. Вести.ру. 1.11.2022. <https://www.vesti.ru/article/3019719> (Просмотрено 13.12.2022)

Чистанова, С. С. 2017. Концепт иллокуции в теории речевых актов Джона Остина. *Гуманитарный вектор*. 2017. Т. 12(3): 85–90.

Aalto, Pami. 2011. The Human Subject in International Studies: An Outline for Interdisciplinary Research Programmes. In Aalto, Pami, Vilho Harle & Sami Moision (ed.) 2011. *International Studies: Interdisciplinary Approaches*. Palgrave Macmillan. <https://doi.org/10.1057/9780230342934>

Beach, Derek, and Rasmus Brun Pedersen. (2020). *Analyzing Foreign Policy*. Second edition. London: Red Globe Press.

Breeze, Ruth 2011. Critical discourse analysis and its critics. *Pragmatics* 21, 493–525.

Bugos, Shannon 2022. *Putin Orders Russian Nuclear Weapons on Higher Alert*. Arms Control Association, March 2022. <https://www.armscontrol.org/act/2022-03/news/putin-orders-russian-nuclear-weapons-higher-alert>

Chilton, Paul & Christina Scäffner 2011. Discourse and politics. In van Dijk, Teun A. & Shoshana Blum-Kulka (ed.) *Discourse Studies: A Multidisciplinary Introduction* (2nd ed.). London: SAGE

- Crowley, Simon. 2013. Class. In *Handbook of Russian Politics and Society*, edited by Graeme Gill, and James Young, Routledge, 307–317.
- Department of Defence 2018. *Nuclear Posture Review* 2018. <https://media.defense.gov/2018/Feb/02/2001872886/-1/-1/1/2018-NUCLEAR-POSTURE-EVIEW-FINAL-REPORT.PDF> (Просмотрено 6.10.2022).
- Fairclough, Isabela, and Norman Fairclough. 2012. *Political Discourse Analysis: A Method for Advanced Students*. London: Taylor & Francis Group.
- Fairclough, Norman. 2001. *Language and Power*. Second edition. New York: Routledge.
- Hill, Roland J. 2013. The Putin Era. In *Handbook of Russian Politics and Society*, edited by Graeme Gill, and James Young, Routledge, 13–26.
- Hruby, Jill. 2019. Russia's New Nuclear Weapon Delivery Systems: An Open-Source Technical Review. 13 November 2019. <https://www.nti.org/analysis/reports/russias-new-nuclear-weapon-delivery-systems-open-source-technical-review/> (Просмотрено 22.12.2022)
- Jokinen, Arja & Kirsi Juhila ja Eero Suoninen, toim. 2016. *Diskurssianalyysi: teorit, peruskäsitteet ja käyttö*. Tampere: Vastapaino
- Jokinen, Arja & Kirsi Juhila. 2016. Valtasuhteiden analysoiminen. Teoksessa Jokinen, Arja, Kirsi Juhila & Eero Suoninen (toim.), *Diskurssianalyysi. Teorit, peruskäsitteet ja käyttö*. Tampere: Vastapaino, 63–82.
- Jokinen, Arja. 2016. Diskurssianalyysin suhde sukulaistraditioihin. Jokinen, Arja & Kirsi Juhila & Eero Suoninen (toim.) 2016. *Diskurssianalyysi: teorit, peruskäsitteet ja käyttö*. Tampere: Vastapaino
- Juhila, Kirsi. 2016. Tutkijan positiot. Teoksessa Jokinen, Arja, Kirsi Juhila & Eero Suoninen (toim.), *Diskurssianalyysi. Teorit peruskäsitteet ja käyttö*. Tampere: Vastapaino, 411–444.
- Kari, Martti J. 2019. *Russian Strategic Culture in Cyberspace: Theory of Strategic Culture – a tool to Explain Russia's Cyber Threat Perception and Response to Cyber Threats*. Väitöskirja. Jyväskylä: University of Jyväskylä.

- Kupchan, Charles A. 2012. *No One's World: the West, the Rising Rest, and the Coming Global Turn*. New York, NY: Oxford University Press.
- Niemelä Tuomas. 2016. Kriittinen diskurssianalyysi Ukrainan sodan uutisoinnista Helsingin Sanomissa. Pro gradu. Helsinki: Maanpuolustuskorkeakoulu. <https://urn.fi/URN:NBN:fi-fe2016090623635>
- Nikunlassi, Ahti. 2002. *Johdatus venäjän kieleen ja sen tutkimukseen*. Helsinki: Hakapaino Oy.
- Oates, Sarah 2013. Media. In *Handbook of Russian Politics and Society*, edited by Graeme Gill, and James Young, Routledge, 341–352.
- Obraztsov, Igor V. 2012. “The Russian Military Elite in the Era of Putin.” *Armed Forces & Society* 38(3): 513–518. <https://www.jstor.org/stable/48608979>
- Puolustusministeriö. 2019. *Voiman Venäjä*. Helsinki: Puolustusministeriö. <http://urn.fi/URN:ISBN:978-951-663-060-4>
- Puspita, Rani Herning, Muhammad Dziqie Aulia Al Farauqy, and Sunarti Sunarti. Critical Discourse Analysis of Vladimir Putin's Speech Related to Arm Race with the United States in 2018. *International Journal of Applied Linguistics and Translation* 5(4): 58–63. DOI: 10.11648/j.ijalt.20190504.12
- Putin's case for war, annotated. 2022. New York Time. 24.2.2022. <https://www.nytimes.com/2022/02/24/world/europe/putin-ukraine-speech.html> (Просмотрено 15.12.2022.)
- Pynnönen, Anu 2013. Diskurssianalyysi: tapa tutkia, tulkita ja olla kriittinen. <https://jyx.jyu.fi/bitstream/handle/123456789/42412/978-951-39-54710.pdf?sequence=1> (Просмотрено 10.12.2022.)
- Raski, Arttur 2019. Venäläinen upseeri nykypäivänä. Pro gradu -tutkielma. Maanpuolustuskorkeakoulu: Helsinki. <https://urn.fi/URN:NBN:fi-fe2019082625632>
- Renz, Bettina. 2013. Russian power ministries and security service. In *Handbook of Russian Politics and Society*, edited by Graeme Gill, and James Young, 209–219. New York: Routledge.

- Rosgvardiya: hurtling towards confrontation? 2020. CSIS. 21.9.2020.
<https://www.csis.org/blogs/post-soviet-post/rosgvardiya-hurling-towards-confrontation> (Просмотрено 16.12.2022)
- U.S. Department of State. 2.2.2021. *Договор СНВ-III*.
<https://www.state.gov/translations/russian/ДОГОВОР-СНВ-III/> (Просмотрено 5.11.2022).
- van Dijk, Teun A. 2011. Introduction: The Study of Discourse. In *Discourse Studies: A Multidisciplinary Introduction*, edited by Teun van Dijk & Shoshana Blum-Kulka, 19–26. Second edition. London: SAGE.
- Vuori, Juha A. 2016. Detering Things with Words: Deterrence as a Speech Act. *New Perspectives: Interdisciplinary Journal of Central & East European Politics and International Relations* 24(2): 32–50.
- Wendt, Alexander. 1999. *Social Theory of International Politics*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Wirtz, James J. 2018. “How Does Nuclear Deterrence Differ from Conventional Deterrence?” *Strategic Studies Quarterly* 12(4), 58–75.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Список аббревиатур

АРК = Авиационный ракетный комплекс

БЛК = Боевой лазерный комплекс

ДА = Дальняя авиация

КДА = Критический дискурсивный анализ

МБР = Межконтинентальная баллистическая ракета

МВД = Министерство внутренних дел

МЧС = Министерство по чрезвычайным ситуациям

НБГУ = Неядерный быстрый глобальный удар

ПВО = Противовоздушная оборона

ПРО = Противоракетная оборона

РВСН = Ракетные войска стратегического назначения

РСМД = Ракеты средней и меньшей дальности

РЭБ = Радиоэлектронная борьба

СМИ = Средства массовой информации

СНС = Стратегические наступательные силы

СОС = Стратегические оборонительные силы

ССС = Силы стратегического сдерживания

СССР = Союз Советских Социалистических Республик

США = Соединённые Штаты Америки

СЯС = Стратегические ядерные силы

ФСБ = Федеральная служба безопасности